

Алена Даль

ХОЖДЕНИЕ

по Млечному пути

Алёна Даль

**Хождение по Млечному пути.
Повесть-странствие**

«Издательские решения»

Даль А.

Хождение по Млечному пути. Повесть-странствие / А. Даль —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741943-1

Что делать, когда не знаешь, как жить дальше? Куда идти? С кем? Чтобы понять это, героиня повести отправляется в странствие Путем Сантьяго. Во время пешего путешествия по Испании она знакомится с неординарными людьми, попадает в неожиданные ситуации, участвует в национальных праздниках и мистических ритуалах, исследует большие города и погружается в толщу испанской глубинки. Она наблюдает и размышляет, вспоминает и учится. Учится жить дальше, идти своей дорогой и быть собой.

ISBN 978-5-44-741943-1

© Даль А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Страна басков	8
Случайное знакомство	8
История несуществующей страны	13
Баскская трапеза	16
Парон и «Атлетик Бильбао»	21
Сёрфингисты	25
Прощание с рыбаком	28
Часть 2. Наварра	31
Звёздный Путь Сантьяго	31
Пиренейский перевал	35
Песнь о Роланде	39
По следам Хемингуэя	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хождение по Млечному пути Повесть-странствие

Алёна Даль

Корректор Александр Марочкин

Дизайнер обложки Юлия Мануковская

© Алёна Даль, 2019

© Юлия Мануковская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-1943-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей дочери

Пролог

...Затылок обдало горячей волной чего-то огромного и страшного, внезапно выросшего за спиной. Я обернулась – прямо передо мной стоял бык. Роста он был неправдоподобного, сложения могучего, голова размером с бочонок свирепо наклонена рогами вперёд. Влажные, немигающие глаза смотрели исподлобья, наливаясь багровой тяжестью. Исходивший от животного смрад парализовал меня. Бык шумно выдыхал воздух широкими ноздрями с продетым в них кольцом. На шее болтался бесполезный обрывок ремня, несоразмерно хлипкий в сравнении с яростной мощностью торса. Бык глядел на меня. Я – на него. Тягуче тянулись мгновения...

«Вот и приключения, о которых ты мечтала», – отстранённо промелькнуло в голове, но это были не мои – чужие мысли, кого-то другого, далёкого, уютно расположившегося в кресле безопасной комнаты и не имеющего никакого отношения к происходящему. Этот кто-то, точнее, эта кто-то, усмехнувшись, бросила взгляд в окно.

...За окном, изнемогая от духоты и скуки, догорал утомлённый день – один из сотен одинаковых, безликих отрезков жизни, неразличимых между собой, как безупречно ровные деления линейки. Плотные столбцы цифр в календаре сливались в однообразный конвейер жизни... Женщина утешала себя мыслью, что скоро покинет этот пыльный город с его расплавленным асфальтом, пробками и ядовитым смогом, вечно спешащими куда-то людьми и назойливой рекламой, призывающей купить, выиграть, победить, доказать... Ей так надоело побеждать и доказывать!.. Скоро она бросит всё и уедет прочь...

Я хотела незаметно отступить, но стоило только пошевелиться, как бык пригнул вниз могучую голову, целясь в живот рогами в боевых зазубринах. Издав короткий густой рёв, он стал усердно рыхлить копытом землю. Рюкзак валялся неподалеку в тени орехового дерева. Боковым зрением я видела и эту тень, и спасительную изгородь из пегих камней, но дистанция была непреодолимой.

«Вся жизнь промелькнула у неё перед глазами», – так, кажется, говорят в подобных случаях. На внутреннем экране тускнеющей памяти появились скупые кадры хроники, скорбный голос начал монотонно перечислять вехи последних лет.

...Три года назад Елена оставила бизнес, придя к трудному, но неизбежному решению. Ушла из профессии, которую сочла аморальной и вредной для себя и человечества в целом. Сознательно отказалась от денег, статуса, безупречной репутации и имиджа успешной женщины. Годом позже рассталась с мужчиной, которого любила долгие восемь лет. Поставила точку в изживших себя отношениях. Потом развелась с мужем – близким и родным человеком, разделившим с ней четверть века, чтобы дать ему полную свободу и возможность устроить новую жизнь. Осенью отказалась от контракта, сулившего необозримые карьерные горизонты, но возвращавшего её обратно «на круги своя». Весной выдала замуж дочь, подарила молодожёнам ключи от новой квартиры, отправила в свадебное путешествие...

И вот, расчистив пространство жизни, раскидав насущные дела, приняв судьбоносные решения, женщина стояла в замешательстве на перекрёстке судьбы и не понимала: что делать дальше? В надежде найти ответ она выбрала веками проверенный способ – путешествие – и отправилась в странствие древней дорогой пилигримов, Звёздным Путём Сантьяго. Но судьба распорядилась иначе...

Из оцепенения меня вывел зычный крик: «Гой, гой, гой!». Сухой старик в линялой рубашке торопливо ковылял по дороге, прихрамывая на одну ногу. Увидев картину «Женщина и бык»

у изгороди, припустил сильнее, выкрикивая гортанные слова и потрясая над головой суковатой палкой. Бык наблюдал, развернув чугунную голову. Когда расстояние между нами сократилось до нескольких шагов, животное неожиданно тонко заголосило, воздев морду к бесцветному небу, повернулось ко мне курчавым боком в разводах пота и затопталось на месте, всем видом демонстрируя полное равнодушие к дальнейшей моей судьбе. Не было сомнений – то был хозяин быка. Объятый яростью зверь превратился в кроткое домашнее животное.

Замахнувшись палкой на беглеца, старик ухватил его за кольцо в ноздре, ловко вдел в него верёвку и намотал её на запястье. Свои уверенные движения он сопровождал глухой бранью в адрес быка и сочувственными вопросами, обращёнными ко мне. Я не понимала ни слова, но сумела объяснить, что всё в порядке и что он подоспел вовремя. Чувство только что пережитой смертельной опасности ещё не отпустило меня – мысли путались, сердце колотилось отбойным молотом, губы пересохли, фразы клокотали где-то в горле. Оглядев меня с ног до головы и удостоверившись в том, что беды не случилось, пастух грубо дёрнул быка за кольцо, кивнул и двинулся вверх по пыльной жёлтой дороге.

Я дошла на ватных ногах до изгороди и рухнула вниз, под ореховое дерево, где лежал чуть было не осиротевший рюкзак. Достала бутылку воды и, обливаясь, жадно выпила её всю. Потёрла взмокшую шею – рука нащупала гладкий шнурок. Вытащила из-за пазухи старый, отполированный временем амулет, путешествующий со мной шестой год, раскрыла тугие створки. На тёмном дереве нацарапаны были знакомые наизусть слова: *«Да будет воля Твоя, Отец небесный, миловать странников, гонимых не токмо силою судьбы и жестоких властителей, но и голодной тоской их мятежных душ, бесконечно зовущих дорогу...»*.

Часть 1. Страна басков

Случайное знакомство

...Поезд набирает высоту так быстро, что закладывает уши – точь-в-точь как в самолёте. Но в отличие от самолёта картинка за окном не исчезает под облаками, а ежеминутно меняется, сливаясь в яркую киноленту жизнеописания провинциальной Испании. Сухая гористая земля Арагона изрезана бурливыми ручьями, заштопана аккуратными квадратами виноградников, серебристых оливковых рощ и черешневых садов. Игрушечные городки в беспорядке рассыпаны по охряным складкам Иберийских гор, словно невидимая рука случайно выбросила горстку игральных костей. Дома сливаются с линиями ландшафта: каменная кладка подпирает скалу, ветхий балкон свисает над изгибом реки, дворик кособоко сбегает в ущелье. Тесные улицы сколочены из плотно пригнанных черепичных крыш и разномастных построек. Раннее утро, и над горами висит лёгкая сизая дымка, похожая на сигаретный дым. Временами её подсвечивают колкие солнечные лучи. Земля здесь – жёлто-рыжая, а небо – белое. Вдоль уходящей в горизонт пыльной дороги трепещут лепестками бабочки диких маков...

Почему именно Испания? Сказать по правде, мне давно хотелось побывать в тех краях, тонко сотканных из мифов и преданий, как прекрасные гобелены Пастраны¹ из нежных шёлковых нитей. В стране со сложной, неоднозначной историей, запутанными корнями и ветвистой кроной раскидистого династического древа. На земле с ярко выраженным женским и материнским началом, воплощённым в культе Богородицы. Испания противоречива, многолика и экспрессивна, как и подобает южанке. И в этом я похожа на неё! Отчасти взбалмошный, неуравновешенный характер объясняется многовековым смешением кровей. Но лишь отчасти.

Есть нечто общее между Россией и Испанией, страны объединяет неуловимая схожесть исторических судеб. Обе находились под многовековым игом – одна мавританским, другая монголо-татарским. Освободившись, обе обогащались за счёт чужих территорий – испанская Конкиста и имперское покорение Азии. И Испания, и Россия знавали лучшие, чем нынче, времена – золотые эпохи расцвета и могущества, обе в течение веков сверяли поступь с догмами господствующих религий и обе, окружая с разных сторон Европу, в полной мере ей никогда не принадлежали.

Что касается выбранного маршрута – Пути Сантьяго, то мое влечение к Испании и смутное томление сердца соединились с воодушевлением после прочтения книги одного из пилигримов недавнего прошлого,² прошедшего четверть века назад той же дорогой. Итак, бросив всё, я отправляюсь в путешествие искать ответ на извечный вопрос: «Что делать?».

Вопросы и ответы – те незримые нити, что соединяют людей, пробуждают в них взаимный интерес, обнаруживают точки соприкосновения и глубинные пласты общности. Я люблю беседовать с людьми. Задавать вопросы и слушать ответы. Когда-то это было частью моей профессии. Но однажды я обнаружила, что моё общение с человечеством превратилось в череду переговоров, решение стратагем, управление персоналом, поддержание контактов, укрепление репутации... словом, во что угодно, кроме собственно человеческой беседы. Нет, я вовсе

¹ Пастрана (*Pastrana*) – старинный город Испании (Кастилия-Ла-Манча), расположенный в 40 км восточнее Мадрида, знаменитый своими шелками и гобеленами. Её мастера унаследовали искусство ткачества и вышивки от мавров в эпоху арабского владычества.

² Речь идёт о книге Пауло Коэльо «Дневник Мага».

не против делового общения. И конечно, подобные контакты неотъемлемая часть жизни в социуме, тем более когда твоя профессия – коммуникации. Но лично я люблю *разговаривать*. Просто так, а не потому что нужно. С теми, кто интересен, а не теми, кто может принести прибыль, выгоду, помочь делу или кому можешь быть полезна или выгодна ты.

Мне нравится смотреть людям в глаза, рассматривать их руки, лица. Слушать. Внимать. Давать выговориться. Наблюдать за тем, как они подбирают слова, жестикуют, замолкают в задумчивости или тихо улыбаются своим воспоминаниям. Необыкновенно интересно говорить со стариками, с детьми, с аборигенами тех мест, где путешествуешь. С теми, кто не похож на тебя. И с теми, кто пугающе похож, а оттого делается не по себе от фраз, произнесённых в один голос, и ответов на незаданные вслух вопросы. И, в общем, неважно, встретитесь ли вы когда-нибудь ещё или нет, станете друзьями на всю жизнь или останетесь случайными попутчиками, главное, что этот нечаянный разговор что-то навсегда меняет в тебе и в твоём собеседнике. А возможно и в судьбе всего мира!

На станции Каспе в электричку входит смуглый старик с подвижным лицом и живыми глазами, стреляющими из-под густых с проседью бровей. Опрятная жилетка, несмотря на жару, застёгнута на все пуговицы. На голове – тёмный берет, выдающий принадлежность его обладателя к древнему роду басков. В руках старик держит пустую, оплетённую лозой бутылку и лёгкую дорожную сумку. Он бегло оглядывает полупустой вагон, на минуту задержав свой взор на мне, и садится точно напротив. Я с любопытством рассматриваю колоритного пассажира, стараясь не смущать его слишком пристальным взглядом. Но смутить старика не так-то просто – его колючие глаза буквально впиваются в моё лицо, осматривают рюкзак, буравят пыльные мокасины на ногах. Лишь на минуту отвлекшись на кондуктора, мой сосед вновь возвращается к своему занятию и продолжает изучать меня невозмутимым взглядом исследователя, встретившего неизвестное науке насекомое. Чтобы разрядить обстановку, я громко здороваюсь, употребив одну из десятка испанских фраз, прилежно заученных перед поездкой: «Буэнос диас!».³ Старик лишь небрежно кивает в ответ. Тогда я набираю в лёгкие побольше воздуха и произношу ещё несколько фраз из своего «золотого запаса»: «Сой peregrino. Soy de rusia!».⁴ Колючий взгляд старика теплеет.

– Сеньора, шо ж вы так шумите? – раздаётся сзади родная речь.

Обернувшись, натываюсь взглядом на белобровое лицо обладателя одесского выговора. Ну и ну! Всё же не музей Прадо и не пляжи Коста-Брава – встретить в глуши Арагоны русскоговорящего – всё равно что арагонца где-нибудь в сибирской тайге.

– Толик! – весело представляется белобровый парень и пересаживается в соседнее кресло.

Очень быстро я узнаю детали его биографии, историю переселения в Испанию, резюме, состав семьи и то, что он думает об Испании, России и кризисе Еврозоны. Тем временем старик в берете с любопытством разглядывает нас обоих. Монолог Анатолия, привлекает внимание и других пассажиров – видимо, русская речь звучит здесь нечасто. Я вполуха слушаю говорливого попутчика, украдкой поглядывая на баска. Как же с ним заговорить? И я прошу помощи у Толика.

– Легко! – соглашается тот, – только учти: он баск, у них свой язык, он может и не понять моего кастильского наречия.

³ Buenos días! (*испанский*) – Добрый день!

⁴ Soy peregrine. Soy de Rusia! (*испанский*) – Я – пилигрим из России!

Тем не менее парень поворачивается к старику и задаёт пробный вопрос. Тот отвечает. Между ними завязывается беседа – я понимаю, что Анатолий сейчас пересказывает баску всё то, что полчаса назад рассказал мне. Но наблюдать интересно. У баска скрипучий голос и необычная манера говорить: сначала он пристально всматривается в собеседника, выдерживая тяжеловесную паузу, а уж потом начинает неспешно низать слова на нить мысли. Постепенно темп его речи ускоряется, появляется размашистая жестикация, и вот фраза обрывается резко и неожиданно, словно на полуслове. Дальше всё повторяется. Редко, очень редко на лице старика появляется подобие улыбки: глаза теплеют, меняется конфигурация морщин, а голова склоняется набок. Рот при этом из горделивой скобки уголками вниз выпрямляется в прямую линию. Однажды эта линия слегка разомкнулась, что означало, вероятно, крайнюю степень расположения старика.

Наговорившись вволю, Анатолий вспоминает обо мне и представляет нас друг другу по имени. Крепляем образовавшееся знакомство рукопожатием. Старика зовут Эррандо. Он действительно баск. «Не испанец, а баск», – подчёркивает он. Родом из Герники, живёт с женой в окрестностях Сан-Себастьяна. Ему 74 года, из них более полувека связано с морем. Он и сейчас выходит в залив, но уже не на заработки, а ради удовольствия. У Эррандо два сына, два внука, одна внучка и один правнук. В ответ я сообщаю скудные сведения о себе: россиянка, 45 лет, есть дочь, возможно, в скором будущем появятся внуки... в Испанию приехала, чтобы пройти Путь Сантьяго...

Тут происходит неожиданное: лицо старика светлеет, он принимается бойко тараторить, сопровождая торопливую речь резкими взмахами рук.

– Эррандо приглашает тебя в гости, – буднично переводит Толик, будто речь идёт о предложении пересечь поближе к окошку.

– Как в гости? Он же меня не знает! Ты ничего не путаешь? – спрашиваю оторопело, косясь на странного баска.

– Нет, не путаю, – обижается Толик. – Говорит, что будет рад познакомить тебя с женой и показать свою страну.

– Как же мы с ним будем разговаривать?

Толик переводит мой вопрос старику, а мне – его ответ:

– А никак. Он будет показывать, а ты – смотри.

К такому повороту событий я не готова, и первая мысль – вежливо отказаться. Вместо этого слышу свой восторженный вопль: «Си! Мучас грасиас!»⁵ – и вижу в стеклянном отражении такой счастливый оскал, что, с точки зрения моего сдержанного в эмоциях знакомого, это могло бы сойти за гримасу безумия.

Вот так в одну минуту мои планы резко поменялись: я приняла приглашение старика, случайно встреченного в арагонской электричке, неулыбчивого баска Эррандо. Не зная языка, не представляя себе, где и как буду жить, какую такую страну собирается показать мне новый знакомый, и какова доля правды во всём, что он только что поведал о себе. А вдруг всё сказанное им – выдумка? Может, это полоумный сепаратист, продолжающий в одиночку дело ЭТА?⁶ Или религиозный фанатик, усмотревший в моих поползновениях идти Камино нечто оскорбительное для его веры? Или... Всё, стоп! Если уж решаешь довериться незнакомцу и отправиться вглубь неизвестной страны, изволь распрощаться со своими страхами, иначе не миновать проблем и разочарований. Или... ещё не поздно отказаться!

⁵ Si. Muchas gracias! (*испанский*) – Да! Большое спасибо!

⁶ ЭТА – аббревиатура, сокращенно от Euzkadi ta Azkatasuna (Эускади и Свобода). Террористическая организация, образованная в 1959 году как движение сопротивления диктатуре Франко.

Когда-то я путешествовала иначе. Туристический ваучер в кармане обеспечивал чёткую организацию отдыха и ответственность туроператора за мою жизнь. Он же гарантировал полную защищённость от сомнительных типов вроде Эррандо. Строгий график исключал любые отклонения от намеченного маршрута. Как же я радовалась, когда планы вдруг ломались, а форс-мажорные обстоятельства меняли привычный ход, пробивая брешь в идеальном, но скучном распорядке! Автобус, сломавшийся на перевале где-то в районе Больцано, подарил мне чудесную прогулку по весенним альпийским склонам, поросшими благоухающими крокусами. Пробка на трассе Бангалор-Мадурай вылилась в спонтанную экскурсию в Карур – место, где при других обстоятельствах я не побывала бы никогда. Тривиальная задержка авиарейса в Подгорице обернулась знакомством с удивительной сербской девочкой, пишущей картины снов...

...Между тем поезд замедляет ход и, протрубив финиш, останавливается в Памплоне. Пассажиры неспешно тянутся к выходу, сохраняя вежливую дистанцию. Поднимаемся и мы. Толик оставляет номер телефона и, пожелав нам доброго пути, а заодно и доброго вечера на двух языках, исчезает. Я вопросительно гляжу на Эррандо – тот, схватив багаж, повелительно машет рукой куда-то вдаль и крупными шагами пересекает запруженную людьми площадь. Я семеню следом. Вскоре мы добираемся до автовокзала, откуда ходят рейсовые автобусы в Сан-Себастьян. Всего девяносто километров отделяют нас от берега Бискайского залива.

В автобусе Эррандо достаёт из сумки потрёпанную амбарную книгу, испещрённую каракулями – страницы измяты, чернила расплылись – и мы принимаемся дотошно её изучать. При этом баск что-то бубнит себе под нос и тычет заскорузлым пальцем в кривые строчки, а я киваю, как китайский болванчик, издавая время от времени неопределенное мычание. Сама же ощущаю себя глупой козой возле театральной афиши. Долго ещё будет продолжаться эта попытка? Видя мое замешательство, Эррандо выразительно упирает палец в бок оплетённой бутылки и круглит брови – тут до меня доходит, что речь идет о вине. Я изо всех сил напрягаю утомлённые извилины – среди чернильных закорючек разбираю цифры, даты, писанные с большой буквы названия. На большее меня не хватает. Осознав всю тщетность обоюдных усилий, старик прячет ужасную книгу обратно в сумку. Но извлекает из нагрудного кармана фотографию семьи. Что ж, это уже гораздо проще! Преобразившись из глупой козы в сообразительную, радостно блею, угадывая на снимке: «Это жена? Сын? Внук?» – на что Эррандо отвечает неизменным кивком. Так мы и добираемся до пригорода Сан-Себастьяна – Пасакеса, не заметив, как на побережье Атлантики опустилась чернильная ночь...

По дороге от станции до дома старик молчит. Город укутан крошечной тьмой. Близость большой воды угадывается по влажному, рваному ветру, солёной пыли на щеках, острому запаху йода, шороху гальки и плеску бьющих о лодки волн. Океан глубоко дышит во сне: прибой – вдох, откат – выдох. Пульсирующие на безлунном небе звёзды льют сверху свой тихий, холодный свет... Куда я иду? Зачем?..

Возле калитки Эррандо пропускает меня вперёд. Призрачно белеют стены с заплатой двери, жёлтые окна манят теплом и домашним уютом, неожиданно ворвавшимся в мое аскетичное путешествие. В ноздри вплывает гипнотический аромат жареной рыбы.

На пороге дома нас встречает статная женщина в длинной клетчатой юбке и опрятном, как на картинах фламандских живописцев, переднике. Чёрные маслины глаз, длинная серебристая коса, уложенная жгутом на затылке, мускулистые, голые по локоть руки. Видно, что несмотря на поздний час, она только что от плиты. Обменявшись с Эррандо сдержанными репликами, сеньора поворачивается ко мне, не выказывая ни малейшего удивления, что муж

её явился домой не один, а с гостьей. Будто уставшие до полусмерти, сумасшедшие русские путешественницы с рюкзаками – обычное для неё дело!

– Тода, – представляет жену Эррандо – та коротко кивает.

– Елена, – называет он моё имя.

Повинуясь безотчётному порыву, я шагаю навстречу и обнимаю хозяйку. Накопившаяся за день усталость, зыбкая неопределённость моего положения толкают меня на этот безрассудный поступок. Но Тода ничуть не удивляется и этому – кажется, её вообще невозможно удивить ничем. Она ласково похлопывает меня по спине и просто, по-матерински говорит:

– Очень устала? Пойдём ужинать, – она произносит это по-английски, и языковой барьер рушится вместе с усталым моим смущением.

Выясняется, что Эррандо тоже знает английский – когда-то он работал на рыболовецком траулере. Но почему тогда не воспользовался им до сих пор?

...Дальнейший вечер состоит из купания в старомодной чугунной ванне на львиных ногах, позднего ужина с домашним вином и жареными сардинами, не прерываемого праздными расспросами, и долгожданного отдыха. И где? В настоящем баскском доме, в семье рыбака! День назад я и представить себе такого не могла.

История несуществующей страны

...Серое утро. За окном – бисерный дождь и седая мгла. Сырой ветер с Атлантики разогнал с пляжа даже самых закалённых купальщиков – они заполнили собою прибрежные кафе в ожидании солнца. Стереотип о знойной засушливой Испании сокрушительно разбивается, как только ты приезжаешь на северное её побережье. Равно как и целый ряд других штампов об этой стране. Например, испанка – это не только свободолюбивая, непостоянная в чувствах, гибкая как лоза Кармен, но и мускулистая румяная рыбачка с косой, лишённая дикого своеволия южанки, зато верная помощница и преданная подруга. Жгучее фламенко под звенящие переборы гитар – лишь андалузская часть музыкальной Испании, а есть ещё баскское многоголосие, галисийские волынки, каталонская сардана... Что касается погоды: если сложить количество осадков, выпадающее в разных испанских провинциях, и вычислить среднее арифметическое, то получится вполне привлекательная климатическая картина. Сушь Андалузии, Эстремадуры и Кастилии уравнивается британской сыростью Эускади, Кантабрии и Галисии.

Вот и теперь бухту заволокло густым туманом. Сквозь кисельную завесу едва проступают очертания острова Санта Клара. Слева на горе – руины старого замка, справа – статуя Христа. Мрачно и таинственно, однако в этом и кроется сумрачное очарование баскской природы. Тем радостнее встречать солнце!

Сан-Себастьян – административный центр провинции Гипускоа, одной из семи частей Страны Басков, не существующей официально на карте мира, но живущей веками в сердце и генетической памяти любого баска, будь то французский гасконец или испанский басконец. Разделённость страны и отсутствие государственного статуса – неутрачиваемая боль многих поколений басков.⁷ В эпоху всеобщей глобализации их фанатичное стремление обособиться выглядит, возможно, политической причудой, следствием сложного национального характера и давних исторических обид. Но, попав в их страну, познакомившись с людьми, понимаешь, за что они борются. Долгое время борьба за независимость была предельно жестокой и кровопролитной. Печально известная экстремистская организация ЭТА лишь несколько лет назад объявила о прекращении терактов. Можно долго анализировать исторические предпосылки и политические ошибки, приведшие к столь печальным последствиям, дискутировать об истоках баскского сепаратизма, но лучше оставить это историкам и политологам. Для меня куда важнее история Эррандо.

Прежде чем приступить к рассказу, старик надолго замолкает, пристально вглядывается в запотевшее окно, строгой рамой обрамляющее залив. Будто пытается рассмотреть в тумане видимые только ему скользящие тени прошлого. Его руки разглаживают скрученный валиком бархатный берет. На столе стынут две чашки кофе...

Первый рассказ Эррандо

...Я появился на свет в тот день, когда бомбили Гернику.⁸ Там погиб мой брат Домику. Ему было всего 9 лет. Мать рожала меня в подвале горящего дома, куда спряталась вместе

⁷ Исторически баскские земли включают в себя северные испанские провинции Алава, Бискайя, Гипускоа и часть Наварры, а также часть территории на юго-западе Франции: Лапурди, Басс-Наварра и Субероа. Испанская часть Страны Басков в 1980 году получила статус автономной области и именуется официально Эускади, французская – входит в департамент Атлантические Пиренеи. Общая площадь Эускади – 20 тыс. кв. километров. В Испании проживает 860 тыс. этнических басков, во Франции – 140 тыс. Еще около сотни тысяч рассеяны по Новому свету.

⁸ Герника – духовный центр Страны Басков. 26 апреля 1937 года город был подвергнут жестокой бомбардировке и прак-

с другими от бомбёжки. Двое суток горел дом, и двое суток она мучилась в схватках, оплакивая старшего сына. Когда, наконец, я родился, то не подавал никаких признаков жизни. Чужая старуха, оказавшаяся поблизости, схватила меня за ноги и изо всех сил встряхнула – я закричал. Она разорвала нижнюю юбку и обернула меня куском материи... Несколько дней мы выбирались из разрушенной Герники. Нам некуда было идти, и мы пошли на восток.

Отец во время бомбёжки был в море. О том, что у него погиб один сын и родился другой, он узнал только спустя две недели, когда власти составляли списки живых, мёртвых и пропавших без вести. Он долго не мог нас с матерью найти, потому что мы ночевали в разных домах у разных людей – кто приютит...

Потом мы перебрались в Пасакес. Было очень трудно. Выручало только море. Отец работал как каторжный, каждый день в четыре утра выходил за рыбой. Я помню его, пропахшего чешой и табаком, с шершавыми задубевшими руками, которыми он стискивал меня и подбрасывал высоко к потолку. Было больно и страшно, но я терпел потому, что очень любил отца и редко его видел. Вскоре у меня появился младший брат Черу.

Когда мне исполнилось двенадцать, отец первый раз взял меня с собой в море. Он хотел, чтобы я остался в Эускади, ведь многие тогда уезжали за лучшей долей за океан. Мой друг Лоре, спасаясь от нищеты, после войны перебрался в Калифорнию. Там он работал на приисках, но ему не очень-то везло. В конце концов, Лоре вернулся к своему старому занятию – стал разводить овец. Несколько раз он собирался вернуться обратно, но так и не вышло. Теперь у него там жена, дети, внуки, своя земля и ранчо...

Мой брат Черу в девятнадцать стал националистом – вступил в ЭТА. Он хотел мстить за смерть старшего брата, которого не видел, за сотни убитых в Гернике басков, за расстрел пленных республиканцев в Сан-Себастьяне. Черу сам никого не убивал, только возил грузовики со взрывчаткой. Он дважды сидел в тюрьме. Его амнистировали в 1980 году, после смерти Франко и объявления автономии. Черу вернулся в Гернику, обзавёлся семьей. Я рад, что он никуда не уехал.

Среди моих друзей есть те, кто до сих пор недоволен переходом от оружия к политике. Они считают, что словами делу не поможешь. Есть и такие, кто понял, что убийство, независимо от причин, – это бессмысленно и жестоко. Я – простой рыбак, люблю море, люблю жизнь. Не думаю, что физическое уничтожение врагов поможет в борьбе за свободу и независимость моего народа... Но, что и говорить, я был бы счастлив, если бы мои внуки и правнуки жили в независимой стране Эускади.

Характер басков ковался в суровых природных и исторических условиях. «Борьба» – вот ключевое слово, объясняющее их внутренний мир, сформировавшее весь уклад жизни. Борьба с грозной стихией – непокорной Атлантикой, с её ледяными ветрами и коварными сюрпризами. Борьба с каменистой землёй, требующей много труда и пота. Борьба с притеснителями и завоевателями, не раз посягавшими на земли басков. Борьба за сохранение уникального языка и древних традиций. Наконец, борьба с исторической несправедливостью: многие достижения басков оказались незаслуженно забытыми, а лавры доставались другим народам. Например, ещё задолго до Колумба баски пересекали Атлантику и «открывали» Америку. Не случайно именно баски были ядром команды и капитанами всех каравелл в легендарном походе Колумба к Новому Свету. Кругосветная экспедиция Магеллана была спасена стараниями баска Эль-кано – капитана корабля, возглавившего поход после смерти Магеллана и ставшего фактически первым человеком, обогнувшим Землю.

Баски умеют пахать и сеять, пасти скот и ловить рыбу, ходить по морям и сражаться на полях брани, строить и созидать. Скупые на эмоции, внешне суровые и неприступные, они

окружают понравившегося человека таким искренним вниманием и заботой, что отдаёшь им безоговорочное предпочтение в сравнении с другими – улыбчивыми и фальшиво оживлёнными людьми, скрывающими если не камень за пазухой, то полное безразличие к тебе и к миру.

Сегодня Эррандо долго водит меня по городу, здороваясь с каждым третьим прохожим и с гордостью представляя меня своей гостьей из России. Сначала мы осматриваем Собор Доброго Пастора (*Catedral del Buen Pastor*), где он крестил всех своих внуков и правнука. Прогулявшись по аллее стриженных тамарисков вдоль набережной Ла-Конча, поднимаемся на фуникулере на гору Игуэльдо (*Monte Igueldo*). Оттуда открывается акварельный вид на вогнутый ракушкой пляж и старую гавань. Потом попадаем в настоящую средневековую аптеку с батареей таинственных склянок и пузырьков, в которой хозяйничает племянник Эррандо. А ближе к вечеру, когда монотонный дождь прекращает сеять водяную пыль, наблюдаем за работой уличного художника, пытающегося кистью поймать ускользающий момент рождения радуги...

Баскская трапеза

...Ясное утро. На дворе жарко, как в знойной Кастилии. Апельсиновое солнце стирает серые разводы вчерашнего дня. Для Эускади такие перепады погоды – обычное дело. А мы с Эррандо идём на океан наблюдать отлив. Но не на городской пляж, а за скалу, где раньше была рыбацкая деревня.

Полоса отлива простирается на десятки метров. Плотный песок испещрён замысловатыми узорами ручьев и струек, бегущих назад, в океан. Возле камней – зеркальные лужицы причудливых форм: одна напоминает палитру художника, другая – пятипалую лапу огромного зверя... В скалистых углублениях скопилась морская вода, образуя солёные озера, в которых можно найти зазевавшуюся рыбёшку или молодого, неопытного краба. Морская живность всех цветов и мастей облепила подсыхающие на солнце камни: мидии, виейры, рапаны, полураскрытые устрицы и прочие неведомые мне морские существа. Жители ближайших домов собирают здесь дары моря, которые снесут потом на рыбный рынок. Я тоже пытаюсь отдрать от камня жёсткий панцирь, но бесполезно – для этого нужен специальный, загнутый серпом нож и сноровка, а так – лишь обдираю пальцы о зазубренные края раковин.

Тем временем на прибрежной площади всю гудит рыбный базар. Улов великолепен: гладкие крупные рыбины, сладко засыпающие в ледяном крошечке, тазы с кишасей рыбной мелочью, упругие тушки кальмаров, обморочные от кислорода креветки, пятнистые осьминоги с безвольно висящими щупальцами. А вот и редкие экспонаты сегодняшнего базара: белобрюхий мраморный скат, зубастая морская щука и невиданных размеров тунец, которых тут же покупает повар ресторана. Бойко идёт торговля ценным, но скоропортящимся товаром. Покупки уносят в заполненных льдом лотках, мисках или просто завернутыми в тряпицу. Здесь же хозяйки ловко чистят рыбу, усеивая сверкающей чешуей клеёнчатый передник до пят, отточенным движением отсекают голову, потрошат и, ополоснув в морской воде, аккуратно пакут в мешочек. Вам остаётся лишь положить тушку на сковороду или решётку. На этот рынок приходят не только жители окрестных улиц, но и специально приезжают повара, владельцы рыбных бутиков и пескадерий. Бывают здесь и туристы, но редко. Во-первых, очень рано: рынок закрывается в восемь утра, когда утомлённый ночным весельем гость ещё сладко спит. Во-вторых, местными морскими обитателями можно любоваться в городском Аквариуме, в любое удобное время. Или на витринах пескадерий – там они разложены с изяществом, достойным натюрмортов Бозелли и Рекко. Моллюски, ракообразные, рыбёшки, рыбы и рыбины спят в соответствии с морской иерархией, отсортированные по размерам и ценам. Их влажные изгибы, подсвеченные голубоватым светом, украшенные оливками и лимонами, заботливо орошаются морской водой. Хозяин с готовностью расскажет о местообитании экспонатов витрины, их полезных свойствах, способах приготовления и даже опишет краткую историю поимки особо ценных экземпляров.

А мы направляемся в противоположную сторону от рыбных бутиков, вглубь старых кварталов. Нас ждёт друг Эррандо – Бишинго, хозяин пескадерии. Он вызвался угостить нас классическим баскским обедом. Известно, что повара-баски – одни из лучших в Европе и, уж точно, самые искусные в Испании. Даже искушённые парижские гурмэ почтительно склоняют голову перед их кулинарными творениями. Бишинго нигде специально не учился, он просто продолжает дело, начатое его прадедом в позапрошлом веке, ревностно хранит семейные рецепты и по мере возможности приумножает семейный бизнес. В этом ему помогают жена и дочь.

Пескадерия Бишинго внешне ничем не примечательна. Она расположена в той части города, куда приезжие обычно не добираются, – вверх по крутому холму. Вход в неё обозна-

чен внушительной дверью, потемневшей от времени и влаги, больше похожей на декорацию к фильму, если бы не надпись мелом: «Сегодня в меню свежие сардины и картошка с макрелью». Справа – рыбная лавка. На десяти квадратных метрах чудом умещаются: прилавок с крошеным льдом, поверх которого возлегают штучные экземпляры морской фауны, старинные весы с чугунными гирями, разделочный стол, оснащённый впечатляющим арсеналом ножей, и конторка. Слева – тёмное помещение со стрельчатыми сводами, четыре дубовых стола и лавки вместо стульев. Прямо в каменную стену вделана бочка, из которой наливается холодное белое вино – столько, сколько хочешь, без ограничений: здесь не принято платить за бокалы или граммы. Гость может зайти сначала в лавку и выбрать то, что хотел бы на обед. А потом, в ожидании блюда, потягивать бокал охлаждённого вина, закусывать пинчос⁹ и болтать с хозяином заведения. Сюда, в маленькую пескадерию приходят в основном близкие друзья и знакомые годами клиенты, граница между которыми со временем стирается.

Увидев нас, Бишинго вскидывает в приветствии руку и спешит лично встретить гостей. Вскоре к нему присоединяются домочадцы: жена (она же второй повар), дочь, внучка-студентка, помогающая во время каникул, а также зять, брат, сват и многочисленные дети от трех до пятнадцати лет, высыпавшие откуда-то из боковых дверей. Последним выходит серый замшевый кот с медовыми глазами. Он с независимым видом усаживается возле барной стойки и брезгливо отворачивает усатую морду, когда я со словами «кис-кис» пытаюсь его погладить. Отборная морская диета и вольная жизнь сделали его настоящим кошачьим мачо, плотным и гладким зверем, вполне осознающим свою брутальную красоту.

Мужчины сдвигают столы, женщины ловко накрывают их, вынося одно за другим внушительных размеров блюда. Культ еды возведён у басков в ранг национальной культурной традиции. Другая традиция – длинные семейные посиделки возле очага. Их смешение – обильные трапезы в кругу многочисленных родственников, друзей, а иногда (как в моём случае) и дорогих гостей, которых непременно нужно убедить попробовать каждое кушанье – как иначе приобщить к традициям?!

Органичное продолжение кулинарных обычаев басков – гастрономические клубы «чокос». ¹⁰ Члены клуба на специально оборудованной клубной кухне по очереди готовят любимую еду, а затем угощают друг друга и делятся секретами мастерства. Регулярно устраиваются соревнования по приготовлению того или иного национального блюда. Первый чокос появился в Днонии, ¹¹ а затем клубы распространились по всей Стране Басков. Членство в них строго регламентировано, вход для женщин, увы, закрыт. В этом проявляется один из исторических атавизмов страны – мужской шовинизм. Впрочем, это не мешает женщинам наслаждаться кулинарными талантами отцов, мужей и сыновей у себя дома!

Обед начинается традиционно с пинчос. Миниатюрные ломтики хлеба покрыты сверху всевозможной снедью: печёной треской и жареными креветками, хамоном и чоризо, сыром и тортильей, оливками и маринованными анчоусами. Эррандо вносит знакомую бутылку в оплётке, но уже полную «чаколи». ¹² Собственно, его поездка в Каспе была связана с этим вином – главным в Стране Басков (а в той амбарной книге, которую мы листали в автобусе, был

⁹ Пинчос (*pinchos*) – традиционная закуска басков, аналог испанского «тапас», представляет собой миниатюрный ломтик хлеба, покрытый разнообразной начинкой.

¹⁰ Чокос (*txokos*) – гастрономические клубы, возникшие в Днонии в XVII веке.

¹¹ Днония (*Donostia*) – баскское название Сан-Себастьяна.

¹² Чаколи (*txakoli*) – белое сухое игристое вино. Изготавливается из винограда Hondarribi Zuri, произрастающего на побережье Бискайского залива близ Бильбао. Чаколи обладает лимонно-известковым ароматом, освежающим острым вкусом и пониженным содержанием алкоголя – 9—10%.

винный календарь, рецепты и прочие пометки винодела). Так что смело можно утверждать, что благодаря чаколи мы с Эррандо и познакомимся! Ну и благодаря Толику, конечно!

Без чаколи невозможно представить ни скромной трапезы, ни дружеской посиделки, ни званого обеда. Из-за влажного климата, частых дождей и облачности ягоды винограда не набирают много сахара – в редкие годы крепость вина превышает 10%. Баскское вино имеет кислотовато-острый вкус и идеально подходит к сытным блюдам национальной кухни. Любопытно, что с древних времен производство и сбыт чаколи пользовались поддержкой властей. В 1338 году были освобождены от налогов производители деревянных подпорок для виноградных лоз. Позже был издан закон, предписывающий морским судам разгружать вина, привезённые из других регионов, только в случае загрузки в обратный рейс эквивалентного количества чаколи. Так в прошлые века защищали интересы местных виноделов. Сегодня в этом нет необходимости. Баскские вина зарекомендовали себя как достойные и вполне конкурентоспособные на европейском рынке.

Первый тост традиционно за знакомство и дружбу.

– Что такое гость? – вопрошает Бишинго, обращая взор к потолку, – это человек, выделенный из толпы, которого ты захотел видеть рядом, чтобы поделиться с ним теплом своей души. Гость – это радость для сердца, услада для глаз, музыка для слуха, наслаждение для ума. Гости продлевают жизнь хозяевам, а лучшие из них становятся друзьями. Друг моего друга – мой друг! Поднимем же бокалы за смелость нашей гостью, прибывшей к нам издалека! Элена, добро пожаловать в Эускади!

Во время тоста Бишинго испытываю дежавю: мне кажется, я нахожусь где-то в горном ауле Кавказа, почтенный аксакал молвит слово, а рассеявшиеся за столом джигиты и горянки чутко внимают ему. Есть что-то общее между басками и кавказцами, и это не только долгожительство и любовь к застольям и тостам. Но об этом – чуть позже.

Суть да дело, дочь и внучка Бишинго несут горячее – «бакалао», «чангурро» и «чипиронес».¹³ Сочный и ароматный кусок бакалао – трески в соусе – самое простое блюдо басконской кухни. Но какое! Первая мысль: наверное, здесь в Бискайском заливе обитает какая-то особенная треска! Но нет, треска такая же, как и во всех других морях, зато особенные рецепты и повара!

Чангурро – это большая тарелка, а точнее тазик, доверху наполненный свежайшими моллюсками, которые ещё пару часов назад безбедно обитали в заливе. Мидии, величиной с детскую ладошку, нежные сердцевидки, королевские креветки, морские гребешки. Живописную пёструю горку, источающую головокружительный аромат, венчает гигантский краб в недоумении растопыривший клешни, дескать, а я-то тут как оказался?

Кульминация трапезы – чипиронес или каракатица в собственных чернилах. Блюдо на любителя – уж очень непривычен вид! Мне потребовалось собрать в кулак всё своё мужество, чтобы не обидеть гостеприимных басков и попробовать кусочек. На вид напоминает плавающий в чернилах поролон, на зуб – мочалку с привкусом йода, – словом, вкус специфический! Говорят, очень полезно. Не случайно, именно чипиронес было одним из излюбленных лакомств испанских королей. Кстати, из чернил каракатицы делают коричневую краску, называемую «сепия».

В тот момент, когда я, вымазавшись в чернильном соусе, пытаюсь оттереть сепию с рук, когда оплетённая лозой бутылка опорожняется наполовину, а в тарелках показывается дно, возбуждённые разговоры за столом стихают. Младшие дети убегают вглубь дома, увлекая за собой

¹³ *Bacalao, changurro, chippirones* – названия традиционных блюд басконской кухни.

кота. Женщины подают кофе. Эррандо начинает вспоминать «морские были» – истории из своего рыбацкого прошлого. Вот одна из них.

Второй рассказ Эррандо

...Стоял сентябрь, время рыбных косяков. Рыбаки выходили в море каждый день, чтобы не упустить удачу. Случалось, даже ночевали в заливе, но заплывать далеко никто не рисковал – слишком переменчива погода и коварны осенние течения. Нас было трое друзей, мы всегда рыбачили вместе, но на этот раз решили идти врозь, каждый сам за себя. Я собирался наловить камбалы, она в это время поднимается из глубины и становится ленивой. Взял с собой все что полагается: сети, снасти, гарпун, воду и немного припасов. Я рассчитывал вернуться самое позднее – к вечеру. Но вышло иначе.

Как только я отошёл от берега на полтора десятка миль, сразу же попал в огромный косяк тунца. Я заглушил мотор и лёг в дрейф. Рыбы было навалом, одна крупнее другой, я еле успевал снимать её с крючка, затаскивать на борт и глушить колотушкой. Вскоре моя лодка доверху была заполнена тунцом. Редкий улов! Когда я перевёл дух, то заметил, что чайки уже давно не кружат над моей лодкой, её прилично отнесло от берега. Вдобавок на горизонте появились тучи – предвестники шторма. Поднялся свежий ветер. Я перебрался на корму и дёрнул за рукоять мотора. Он не завёлся. Я попробовал ещё раз, другой, третий – ничего. По спине побежали струи холодного пота. Ветер крепчал, гружёная лодка качалась на растущей волне, удаляясь всё дальше от берега. Если бы со мною были друзья, они пришли бы на помощь, взяли бы на буксир мою посудину. Но сегодня их не было рядом. Я схватился за вёсла и принялся вручную бороться с ветром и течением. Четыре часа я грёб, стирая руки в кровь. Куда там! Чтобы облегчить лодку я выбросил половину улова за борт. Всё напрасно. Гроза приближалась. Я молился Сан-Николасу, и снова пробовал запустить мотор. Но он молчал, как проклятый. Тогда я опять брался за вёсла и грёб. Так продолжалось до вечера. Промывая в воде стёртые руки, я увидел огромную рыбку возле борта лодки. Это был голубой тунец не меньше двух метров в длину. Рыба плыла рядом уже давно, но только теперь я обратил внимание, что она будто привязана к лодке. Что ей надо? Я выбросил прочь ненужную теперь приманку. Рыба не уходила. Неужели она хочет, чтобы я её ловил? Глупая рыба!

Темнота сгущалась быстро и неумолимо. Волны становились всё круче. Берег исчез из виду. Я вспомнил всю свою жизнь, Тоду, сыновей. Я стал готовиться к худшему. Но не переставал грести и молиться. Вдруг рыба взметнулась вверх и громко плеснула хвостом по воде. Она подплыла ещё ближе и уже задевала борт своим телом. Лодка вздрогнула. Вот дьявол! – я не ожидал, что она такая огромная! Я стал одну за другой выкидывать выловленные рыбины, но и это её не останавливало. Тогда, будто повинаясь приказу свыше, я достал самый большой крючок на толстой в палец леске и выбросил его за борт. Я не понимал, зачем делаю это, но мне было уже всё равно. Рыбина, казалось, только этого и ждала. Она заглотила крюк без наживки и, разматывая моток, метнулась в сторону. Сумасшедшая рыба! Через пару секунд леска натянулась как тетива. Лодка закричала и накренилась. Я почувствовал, что она медленно меняет своё направление. Снова схватился за вёсла и стал грести как полоумный. Ладони онемели, я перестал замечать, как по ним течёт кровь. Раздался первый раскат грома, хлынул дождь, сначала редкий, а потом всё сильнее и сильнее. Рыба упорно тянула меня куда-то. Я ей помогал, выбиваясь из последних сил. Бросал вёсла и вычерпывал воду из лодки. Снова грёб. Иногда я впадал в забытие, а когда приходил в себя, снова чувствовал движение живого буксира. Так продолжалось всю ночь.

Под утро дождь прекратился, ветер поутих. Вдалеке показалась полоска суши. Рыбина по-прежнему тащила меня в сторону берега. Только силы её оставили, и двигалась она теперь очень медленно. Я обмотал ладони разорванной рубахой и опять взялся за вёсла. Много часов

мы добирались до берега. Я и рыба. Она всё чаще всплывала на поверхность, хватала ртом воздух. Но продолжала тянуть лодку. Возле самого берега рыба бессильно перевернулась брюхом вверх, и я увидел, как разорваны её губы. Она ещё шевелилась, но фиолетовая полоса вдоль тела побледнела. Грудные плавники беспомощно перебирали воду. Рыба умирала на моих глазах. Я кое-как дотащил лодку до берега и, шатаясь, вылез на мелководье. Бережно вытащил крюк из разодранного рта, погладил гладкую серебристую спину и обнял тунца. Я чувствовал, как его тело перестаёт биться и тихо замирает. Из глаз моих полились слёзы. Эта рыба спасла мне жизнь...

Я притащил из дома телегу, погрузил на неё рыбину и повёз прочь от берега. Я похоронил её на окраине своего сада. Иногда я сажусь рядом с камнем и снова благодарю рыбу за спасённую жизнь. За все годы я так и не понял: откуда взялась эта рыба? И почему она захотела меня спасти?

Парон и «Атлетик Бильбао»

Чтобы глубже понять мир человека, стоит обратиться к его корням. Корни у Эррандо, как и у всех басков, глубоки и крепки, хотя до конца не изучены. Происхождение древнего народа до сих пор овеяно ореолом тайны. По одной из гипотез предками нынешних басков были кроманьонцы, заселившие территорию европейского континента около 35 тысяч лет назад. Согласно другой версии, баски – потомки выживших после катастрофы атлантов, иначе как объяснить баскскую легенду о «хентильях» – людях-великанах, обладающих магическими способностями, носителях тайных знаний и высочайшей культуры? Еще одна, лингвистическая теория считает басков переселенцами с Кавказа – уж слишком много языковых совпадений и фонетических аналогий. Да и внешне баски и кавказские горцы довольно схожи. Огнеопасная вспыльчивость, неукротимая храбрость и беззаветная преданность своей земле роднит басков не только с легендарным героем Дюма – гасконцем Д'Артаньяном, но и с воинственными джигитами. Как бы то ни было, нет ни толики преувеличения в формулировке, предваряющей «Историю Баскского народа»: *«Племена басков жили на своей земле с незапамятных времен, наверное, с самого сотворения мира...»*. И с самого сотворения мира говорят баски на своем родном языке «эускера», не изменяя ему на протяжении веков.

Эускера считается прародителем всех реликтовых языков Пиренейского полуострова, именно на нём общались древние племена Юга Европы. На родство с ним претендовали многие из исчезнувших ныне языков: иберийский и этрусский, языки американских индейцев и народов Кавказа. Он ровесник (но не родственник) древнеегипетского, только второй давно мёртв, а первый – всё ещё жив. Эускера не похож ни на одну из ныне существующих лингвистических семей, и филологи решили считать его единственным живым доиндоевропейским языком «вне группы». Эускера уникален ещё и тем, что, изучая его, можно получить ключ к разгадке зарождения человеческого языка как такового. Как формировался механизм мышления у древних кроманьонцев? Как возникали в мозгу первые ассоциации и облекались затем в слова? Как чувства и мысли первых людей находили своё выражение в звуках? Звуки складывались в слова, а слова – в осмысленную речь? Быть может, разгадав тайну эускера, можно найти ответы на самые сложные вопросы истории, кажущиеся сегодня неразрешимыми?

Язык басков красив и загадочен. И невероятно богат, почти так же, как «великий и могучий» русский: в полных словарях эускера содержится полмиллиона лексических единиц. А ещё он обладает одной особенностью, которая меня поначалу несколько озадачила. Иногда я ловлю себя на мысли, что, несмотря на абсолютное отличие его от русского, значения отдельных слов мною угадываются, будто генетическая память узнаёт их значение интуитивно, минуя сито сознания...

Если Герника олицетворяет дух и душу Страны Басков, Сан-Себастьян – её традиции и героическое прошлое, то будущее Эускади воплощено, безусловно, в Бильбао – главном мегаполисе Басконии, куда мы и направляемся сегодня.

С нами едут Бишинго, его дочь Урдина и внучка Дунише (наречённая мною Дуняшей). Дуняша учится в университете Бильбао на архитектурном факультете – лучшего гида нам не найти. Для Урдины эта поездка – повод отвлечься от повседневных дел и пройтись по магазинам. Поводя роскошными плечами, женщина замечает, что в Сан-Себастьяне мужских бутиков на порядок больше, чем дамских. И вообще, Доностия, по её мнению, отличается крайним консерватизмом: когда дело касается мужских интересов, женщины отодвигаются на задний план. Помимо чокос есть масса других клубов, вход женщинам в которые заказан. Вот и при-

ходится бедняжкам развлекать себя самим, выезжая в близлежащие регионы, благо расстояния между городами смешные.

Не прошло и часа, как мы уже спускаемся по серпантину вниз, в «отверстие», как шутливо называют свой город жители Бильбао. Вдоль дороги указатели сразу на трёх языках: баскском, испанском и французском. Заблудиться невозможно!

Бильбао поражает меня своей... нет, не красотой, а редкой фотогеничностью. С любого ракурса город безупречен! Нет здесь никаких особых древностей, нет раскрученных маршрутов или известных курортов. Зато есть Музей Гуггенхайма,¹⁴ ставший с 1997 года главным туристическим магнитом города, а может быть и всей Страны Басков. Он же — хрестоматийный объект изучения студентов-архитекторов. Дуняша знает массу подробностей, которыми охотно делится со мной. Несмотря на астрономическую цифру бюджета, который ещё на этапе проектирования «лопнул по швам», превысив в разы первоначальный план,¹⁵ отцы города ни разу не пожалели о потраченных средствах. В первый же год оглушительный успех — больше миллиона посетителей! Ставший в одночасье знаменитым, Музей ежегодно приносит в казну Бильбао 30 миллионов евро (!), так что коммерческая состоятельность проекта не вызывает сомнений, хотя риски были велики.

Автор замысла — амбициозный архитектор, американец Франк Гери — не признавал компьютерного проектирования. Оцифрованные помощниками гениальные идеи часто оказывались утопичными из-за отсутствия соответствующих технологий — приходилось по ходу дела изобретать и их. Все архитектурно-технологические изыскания в итоге вылились в уникальную концепцию: каждая металлическая пластина, из которых «сшито» здание, имеет индивидуальную форму и размеры, а скреплены они между собой на манер рыбьей чешуи. Тончайшая «чешуя» сделана из дорогого сплава титана с цинком. Кое-где металл оттенён редким пористым известняком, специально доставленным из Андалусии. Кто-то видит в силуэте музея корабль, кто-то — раскрывшийся цветок... лично мне он напоминает мятую фольгу от гигантской шоколадки, но очень красиво, художественно скомканную!

Внутри — царство стекла и стали, стерильного простора и искажённого пространства. Разнокалиберные залы начинены работами Пикассо, Миро, Кандинского, Уорхолла и их молодыми последователями. Дуняша называет новые имена, бойко перечисляет свежие экспонаты. Ассоциативные скульптуры и психоделические инсталляции придутся по душе адептам течения new-age, любителям смелых арт-экспериментов. Что до меня — слишком уж напоминает больничную палату, или стальные лабиринты подсознания. Впечатляет, но не трогает...

Неоспоримым преимуществом эпатажного Музея является его идеальное расположение на берегу реки Нервьон: среди других дизайнерских зданий, танцующих небоскрёбов, изящных дорожных развязок и воздушных мостов. Да и весь Бильбао — это эклектичный сплав архитектурных стилей от раннего средневековья до позднего hi-tech. Вход в метро оформлен как «тоннель времени», проходящий сквозь старинную стену прошлого в стеклянно-зеркальное нутро будущего. Гигантский «Щенок» Кунса, сотканный из пёстрых вечноцветущих растений, смягчает угловатую жёсткость Музея Гуггенхайма. Выразительные дизайнерские акценты в сочетании с идеальной чистотой делают Бильбао свежим и праздничным. Быть может, в этом секрет его обаяния? Наверное, город стремится походить на своих жительниц — очаровательных и утончённых басконок, коим не чужд стилевой эксперимент и по душе эклектика! Взять хотя бы Дуняшу, юную баскскую красавицу: синеокою, точёную, с высокими скулами и вороватым хвостом густых волос, дерзко хлещущим по щекам всякий раз, когда она слишком резко

¹⁴ Соломон Гуггенхайм — американский меценат еврейского происхождения, выходец из Швейцарии, основатель Музея современного искусства в Нью-Йорке и Бильбао. Создал Фонд Гуггенхайма для поддержки современного искусства.

¹⁵ По неофициальным данным итоговая сумма проектирования и строительства Музея Гуггенхайма составила 170 млн. евро.

поворачивается! Её мать Урдина – так же хороша и синеока, но зрелость и жизненный опыт делают её портрет более женственным и мягким, хотя и она склонна к бурным эмоциям и спонтанным поступкам. На улицах Бильбао много девушек и женщин, внешность которых достойна не только обложек глянцевого журналов, но и полотен великих живописцев, резцов гениальных скульпторов.

Часы бегут незаметно... В три назначен общий сбор возле «Щенка». Учитывая тот факт, что баски самые пунктуальные среди всех жителей Испании, мы с Эррандо и Дуняшей торопимся к месту встречи. Из-за поворота выплывает Урдина с ворохом разноцветных пакетов. Одновременно с другой стороны улицы появляется Бишинго, издали салютует рукой. Все вместе идём в одно из близлежащих кафе.

Внутри оно кажется тёмным и неопрятным: пол замусорен, столы не убраны.

– Не волнуйся! – успокаивает Эррандо, поймав мой взгляд, – это очень хорошее кафе.

– Я отлично знаю хозяина, – уверяет Бишинго.

– Мы здесь часто бываем, – добавляет Дуняша.

Урдина же безмятежно улыбается и согласно кивает.

Я полностью доверяюсь выбору спутников, и мы рассаживаемся за столом. Перед нами появляется бутылка чаколи, сыр из козьего молока и «пиперада»¹⁶ – местная закуска из лука и перца. Мои сомнения относительно заведения полностью рассеиваются. Баскская кухня, с которой я вчера имела честь познакомиться в пескадерии Бишинго, вновь подтверждает самые лестные эпитеты в свой адрес.

Эррандо поясняет, что популярность кафе в Эускади (впрочем, это относится ко всей Испании) можно определить по мусору под столом и возле барной стойки. Чем его больше – тем лучше! Местные не особо церемонятся, куда выбросить использованную салфетку. Как куда? – на пол! Стоит ли поднимать упавшую вилку? – конечно, не стоит, пусть себе лежит! Хозяева не убираются не потому, что лень – так проще убедить вновь прибывших посетителей в качестве блюд и напитков. Число обслуженных (а значит, довольных) клиентов эквивалентно количеству мусора. Так что легкий беспорядок на полу здесь никого не смущает, а, напротив, доказывает заслуженную популярность заведения. Позже на одной из площадей Бильбао я нашла оригинальную скульптуру – памятник скомканной бумажке на полу!

На самом видном месте в баре стоит странный стеклянный сосуд, похожий на пузатую химическую колбу, с длинным, как у церемониального японского чайника, носиком. Сверху «колба» имеет маленькое отверстие, плотно закупоренное пробкой.

– Что это? – спрашиваю я у Бишинго.

– Парон, – отвечают баски хором и принимаются наперебой объяснять мне назначение этого затейливого приспособления.

Парон для испанца что-то вроде трубки мира для индейца: из него пьют вино, пуская по кругу и заливая тонкой струйкой из носика прямо в рот. Кстати, парон может быть и кожаным, в виде походного бурдюка, тогда он называется «бота». Совместное распитие из общего сосуда – символ полного доверия и миролюбивых помыслов. Эта древняя баскская традиция прижилась по всей Испании.

Бишинго подзывает бармена, тот наполняет колбу вином и они с Эррандо начинают демонстрировать парон в действии. Выходит весело и смешно. Два почтенных старика, сняв береты и выпятив по-молодецки грудь, начинают по очереди метиться винной струей в раз-

¹⁶ Пиперада (*piperrada*) – национальное баскское блюдо, готовится в цветах национального флага: белый лук, зелёный сладкий перец и красный перец-эспелет с помидорами, – всё обжаривается в оливковом масле и подаётся в качестве горячей закуски или гарнира к рыбе.

верзнутое отверстие рта. Открывать рот слишком широко не принято, а не откроешь как надо – можно ведь ненароком облиться? Но мои опасения напрасны: процесс питья превращается в весёлую забаву, за соседними столиками начинают аплодировать. Вскоре из парона отпивает и Урдина, потом, получив молчаливое согласие матери, и Дуняша. Наконец, сосуд переходит в руки ко мне. Мои спутники начинают скандировать что-то типа «пей до дна!», и мне не остается ничего другого, как последовать их примеру. Сделать это оказывается непросто, предусмотрительно повязанная салфетка окропляется вином, зато остаток дня я горжусь собой за то, что не струсила!

А потом разворачивается настоящий театр абсурда. В обеденный зал входит мужчина в красном бархатном берете. Моё внимание привлекает не только яркий головной убор и баскетбольный рост баска, но и цвет его глаз: один – карий, другой – голубой. Он не спеша осматривается по сторонам и выбирает столик у меня за спиной. Потом этот же мужчина заходит ещё раз. Ну, думаю, наверное, не заметила, как он выходил. Но когда он появляется в третий раз и тем же самым жестом потирает шею, я начинаю не на шутку беспокоиться за своё здоровье. То ли, будучи натурой впечатлительной, я насмотрелась психотропных инсталляций в стальных лабиринтах Музея Гуггенхайма, то ли винопитие из парона имеет свои особые, плохо изученные свойства – но мне становится не по себе. Обернувшись назад, вздыхаю с облегчением: за дальним столом сидят три пригожих баска – тройня с одинаково разноцветными глазами, уже без беретов, но похожие друг на друга как две... – нет, как три капли воды!

К нам за столик, оторвавшись от насущных дел, подсаживается хозяин кафе, приятель Бишинго. Эррандо рассказывает ему о моём намерении пройти Путь Сантьяго. На лице приятеля отражается нежная отеческая забота и высшая степень уважения. Он держит торжественную напутственную речь, после чего приносит початую бутылку явно редкого коллекционного вина. Возвышая голос до драматического крещендо, хозяин объясняет содержимое таинственной бутылки, тыкая пальцем то в этикетку, то на висящий на стене плакат футбольной команды «Атлетик Бильбао».¹⁷

– Вином из этой самой бутылки недавно угощался форвард «Атлетик Бильбао» знаменитый Льоренте Фернандо, – поясняет Эррандо.

И теперь я достаиваюсь чести выпить бокал. Ого! Виртуальный брудершафт с лучшим бомбардиром баскского футбола! Я благодарна, хотя с трудом улавливаю связь между паломничеством и футболом. Но, конечно, не могу отказаться от столь высокой чести. Позже я понимаю, баски – это особенные люди, которые делятся самым дорогим и ценным, не заботясь о логике и причинно-следственных связях. Главное – эмоциональный порыв, возникающий с равной силой в ответ на самые разнородные события жизни из самых полярных областей человеческого бытия...

¹⁷ «Атлетик Бильбао» – *Athletic Club de Bilbao* – испанский футбольный клуб Высшей лиги из города Бильбао, основан в 1898 году. Один из самых титулованных клубов Испании.

Сёрфингисты

Просыпаюсь с рассветом в твёрдом убеждении: «пора и честь знать». Как ни приятно мне общество гостеприимных басков, но злоупотреблять их добротой не буду. И потом меня ждёт дорога, о которой я мечтала два года. Поэтому первым делом иду на вокзал и беру билет на электричку до Сен-Жан-Пье-де-Пор. На завтра. А сегодня мне хочется самой побродить по океанскому берегу, насладиться общением «тет-а-тет» с загадочной Эускади. За поздним завтраком я объявляю Эррандо и Тоде о своём решении. Старик внимательно изучает мой билет, трёт колючий подбородок и сообщает, что завтра он проводит меня на вокзал, а сегодня за ужином расскажет что-то очень важное про ту дорогу, по которой я собираюсь идти. Расстаёмся до вечера.

Эррандо уходит в море, а я отправляюсь в Сарауц (*Zarauz*), один из крошечных городков в окрестностях Сан-Себастьяна. Раньше здесь жили китобои и корабелы, а теперь он необычайно популярен среди сёрфингистов. В нём находятся пять авторитетных школ сёрфинга и проводятся этапы чемпионата Европы и мира по этому виду спорта.

Ещё вчера, по дороге из Бильбао я обратила внимание на длинный пляж с белым песком и фигурными волнами. Преданные фанаты этих волн приезжают сюда со всех концов света. Смысл красивого и опасного спорта – «поймать волну» – превратился в концепцию жизни многих людей, барахтающихся в бурном и беспокойном житейском море. Но что такое «поймать волну»? Это же не зверь, которого можно выследить и обмануть. Нет ничего общего и с отчаянной попыткой схватить на лету выскользнувшую из рук чашку. Волна – не удача, которую принято «ловить за хвост»...

Мои мысли прерывает бронзовый мужчина без возраста и особых примет, в синих нейлоновых шортах, с хвостом мокрых выгоревших волос.

– Привет! Хочешь научиться кататься на доске? – без обиняков интересуется он.

«Инструктор», – определяю про себя я, а вслух вежливо отвечаю:

– Нет, спасибо. Просто люблюсь океаном.

– Боб, – представляется «инструктор», с улыбкой протягивая руку, – я не инструктор, не бойся, просто любитель.

Вот те на – неужели мои мысли написаны у меня на лбу?!

– Елена, – отвечаю, смущённая его пронизательностью. – Как ты понял, что я подумала?

Боб только пожал плечами.

– Ты здесь живёшь? – спрашиваю я ттеца мыслей, сглаживая неловкость.

– Примерно треть года, остальное время – в Риге. А ты? – у Боба такой же акцент, как у меня.

– Я здесь впервые и абсолютно случайно... Может, перейдём на русский?

– Тогда зови меня Борисом!

– Борис, не представляю: что ты здесь делаешь треть года?

– Как что? – волны ловлю! – улыбается он, – а если серьёзно – стараюсь проживать здесь жизнь. Именно проживать, а не прожигать и не переживать. Чувствуешь разницу?

– Это когда живёшь «здесь и сейчас»? – ехидничаю я.

– Вот-вот. Только эта избитая фраза не по мне. Я говорю так: жить свободным от прошлого и будущего.

– Занятно! Об этом мечтают многие, но получается далеко не у всех.

– Просто большинство людей хоть и мечтают, но сами не готовы так жить. Они боятся или не верят, что это возможно.

– А ты веришь?

– С некоторых пор да. А раньше, как и многие, я откладывал жизнь на потом, или пилил без устали опилки прошлого, – Борис увлекает меня к воде. – Пойдём, я покажу тебе, что такое сёрфинг – и ты лучше поймёшь, что значит жить свободным от прошлого и будущего.

Мы отправляемся в сторону мыса, где волны круче и выше. У подножия скалы – пара фургонов и красный скутер. На песке сушатся доски. Возле досок – люди и большой лохматый пёс. Когда мы проходим мимо, лишь он один поднимает голову и провожает нас усталым, умудрённым взглядом. Потом глубоко вздыхает, кладёт мокрую, в песке морду на лапы и продолжает дремать.

– Знаешь, человеку иногда требуется внешний пинок, чтобы он мог по-настоящему оценить то, что имеет, понять, насколько богат, – рассуждает Борис. – Я имею в виду, конечно, не деньги или материальные ценности. Риск – это и есть тот самый пинок! Он учит проживать жизнь «наотмашь».

– Тебе что – не хватает пинков в обычной жизни?

– Пинков-то хватает! – улыбается сёрфингист. – Но не каждый пинок годится для осмысления жизни! Что ты смеёшься? – он сконфуженно умолкает, но вскоре возвращается к прерванной мысли. – Разумеется, рисковать можно по-разному – просиживая за столом казино или стреляясь на дуэли. Но риск должен приносить не только выброс адреналина, но ещё и радость, и озарение, и пользу какую-то. Вот тогда он оправдан!

Я задумываюсь о пользе риска и вспоминаю, когда и как рисковала в последний раз. Не так уж давно! – четыре дня назад, когда приняла приглашение Эррандо. «Последствия» этого рискованного шага налицо.

– Вон смотри! – Борис указывает на одинокую фигуру, как поплавок торчащую из воды. – Этот парень ждёт волну. А теперь глянь туда, – его рука описывает плавную дугу в сторону открытого океана, – видишь? – там образуются «споты» – так мы называем водяные свитки. Раскручиваясь, они могут превратиться в хороший гребень, а если повезёт – в «трубу» метров в пять.

Расслабленный до сих пор сёрфингист тоже замечает споты, ловко взбирается на доску, ложится плашмя и начинает энергично грести руками против течения. Видно, как волны безжалостно хлещут его по лицу, пытаясь отбросить назад – но он не сдаётся. Доплыв до известной только ему заветной черты, молниеносно вскакивает на ноги и... Дальше как в замедленной съёмке красивого фильма об океане: стремительное скольжение по гребню волны, нырок сквозь искрящуюся бирюзовую толщу и движение по ревущему водному тоннелю. Несколько секунд, и волна опадает, с сожалением выплюнув улизувшую добычу на мелководье. Парень, издав победный клич, спрыгивает с доски и замирает в ожидании следующей волны, которая непременно будет лучше и опасней предыдущей.

Насмотревшись на отчаянных смельчаков, на споты и гребни, мы с Борисом садимся в тени фургона. Он достает термос, бутерброды.

– Знаешь, я ведь по профессии финансист, – говорит сёрфингист, разливая по чашкам кофе, – банкир. Сделал карьеру, заработал денег, построил дом, женился, потом развёлся, поставил на ноги дочерей... Оглянуться не успел – полжизни позади. А вроде, как и не жил вовсе, – суета сует и томленье духа. Надоело. Вышел из бизнеса, продал долю, вложил деньги. Первый раз приехал сюда шесть лет назад. С тех пор с мая по август, иногда и дольше, живу в Сан-Себастьяне. Мне здесь нравится: океан и ветер, свобода и радость без особых на то причин. Тут есть своя компания, но мне особо никто не нужен. Я полюбил одиночество. И перестал бояться смерти, потому что понял: важно не сколько – а как ты живёшь...

– Интересно, что ты делаешь, когда уезжаешь отсюда? – пытаю я бывшего банкира.

– Знал, что спросишь. Делаю то, на что не хватало времени в той, прошлой жизни: читаю книги, учусь рисовать, изучаю языки... сочиняю эпитафии безумцам вроде меня...

– ???

– Шучу, конечно! – улыбается Борис. – Если ты имеешь в виду работу, – веду занятия в университете, на географическом факультете. Курс называется «Искусство странствий». Это факультатив, на лекции ходят с десяток человек, не больше. Зато все они уже научились жить свободными от прошлого и будущего!

– И все они, конечно же, сёрфингисты?!

– Вовсе не обязательно, – смеётся Боб, – но все они не боятся рисковать и быть непохожими на других.

На мгновение я испытываю что-то вроде лёгкого укола белой зависти.

– Вот думаю: а смогла бы я так жить?

– А ты не думай – пробуй!

...К вечеру бухта озаряется пунцовым закатом. На фоне отливающего золотом моря шустрые фигурки сёрфингистов, хрупкие на фоне океана, выглядят отчаянно красиво. Эти бесстрашные (а кто-то скажет – безумные!) люди ни за что на свете не променяют свою теперешнюю жизнь на пресную предсказуемость прошлой, не вернуться к безопасной стабильности, которую когда-то отвергли. Но так ли необходим буквальный, физический риск для того, чтобы освободиться от прошлого и перестать жить будущим? Игра на острие жизни и смерти, конечно, выбивает из головы всякие глупости... Но как быть с пустотой? Её адреналином не наполнишь!.. И потом, мы не совсем уж независимы от своего прошлого: оно в виде накопленных денег, знаний, опыта кормит настоящее – признаёшь ты это или нет.

– Борис, хочу спросить тебя вот о чём: если бы ты не был в прошлом успешным банкиром, удалось бы тебе жить так, как ты живёшь?

– Ты хочешь знать, на что я живу? – уточняет Борис.

– Да, именно. И смог бы ты жить на зарплату преподавателя?

– Хороший вопрос, – сёрфингист задумывается. – Я так тебе отвечу: если бы я не был в прошлом успешным банкиром, то всё равно поменял бы свою жизнь. Возможно, я катался бы на доске не здесь, а у себя на Рижском взморье или был бы не сёрфингистом, а, к примеру, скалолазом. На худой конец – просто бродягой!

– Но всё равно рисковал бы жизнью?

– Мы рискуем жизнью всегда, даже тогда, когда не задумываемся об этом: ведём ли автомобиль, летим ли на самолёте или ходим в одиночку по незнакомым пляжам, – хитро подмигивает Боб, – всё зависит от границ риска, которые каждый устанавливает для себя сам...

Под последние лучи уходящего солнца мы допиваем остывший кофе. Борис интересуется, готова ли я рискнуть и прокатиться по серпантину на его стареньком скутере или же предпочту благоразумно остаться на ночь в фургоне? Получив моё согласие рискнуть, отвозит меня в Пасажес. Прощаясь у калитки, я благодарю сёрфингиста за удивительный день и разговор, прекрасно понимая, что, скорее всего, мы больше никогда не увидимся. А вот почему и для чего встретились? Зачем и кому это было нужнее – ему или мне? В ответ на мои мысли, Боб произносит с улыбкой: *«Там, где нас ждут, мы всегда оказываемся точно в срок»*¹⁸ – и растворяется в темноте.

¹⁸ Пауло Коэльо «Дневник Мага» [эпилог].

Прощание с рыбаком

Я медленно иду от калитки к дому, с необъяснимой грустью открываю знакомую дверь. Меня ждут. За столом, положив натруженные руки на белую скатерть, сидят милые старики – совершенно чужие, но ставшие за эти дни такими близкими, что к горлу подкатывает ком. Эррандо и Тода. Рыбак и рыбачка.

Что сказать вам, мои дорогие, на прощание? Что каждый прожитый в вашем мире день был похож на маленькую жизнь? Что каждый час вмещал в себя столько открытий, что можно теперь вспоминать о них долгие годы? Что пережитые здесь, вместе с вами и благодаря вам, минуты – это то, ради чего стоило рисковать? Это мгновения, которые хочется остановить, запомнить и бережно хранить в своём сердце... Я хочу поблагодарить вас за то, что поделились со мной чем-то очень важным. Что позволили почувствовать радость и покой, удивление и восторг. Вы украсили мою жизнь и позволили мне быть абсолютно счастливой...

Но ничего этого я, увы, сказать не могу – мой английский не столь совершенен. Поэтому я просто пою им песню. На русском. Мою любимую:

*«Призрачно все в этом мире бушующем
Есть только миг – за него и держись!
Есть только миг между прошлым и будущим
Именно он называется жизнь...»¹⁹*

Все куплеты, один за другим. И о седых пирамидах, и о звезде, что сорвалась и падает... Пою – и слёзы катятся у меня по щекам.

– Елена, – беспокоится Эррандо, – ты чем-то расстроена? У тебя всё в порядке?

– Да, Эррандо, я в порядке. Только грустно расставаться с вами. А я даже не могу как следует поблагодарить вас с Тодой. Не хватает слов, и я совсем не знаю эускера.

– Не беда! Мы и так всё понимаем. Правда, Тода? – старик поворачивается к жене – та кивает, подходит к нам, и мы все трое обнимаемся.

После ужина Эррандо приносит из спальни шкатулку и достаёт оттуда ветхие сокровища: пожелтевшие свитки с печатями, две раскрошенные по краям розовые ракушки, несколько выцветших фотокарточек. На первой – молодой Эррандо в плаще и широкополой шляпе. Жгучие глаза, смоляные брови. В руках палка с привязанной к ней пустотелой тыквой – такие раньше использовали вместо фляги. Рядом с ним – совсем юная Тода с тёмной косой, в сандалиях на босу ногу – смеётся, заслонившись рукой от солнца. За их спинами – оглохшая часовня среди виноградников. На другом снимке – горбатый мост над рябой от дождя рекой. Вымокшие до нитки Эррандо и Тода держатся за руки. Эррандо смотрит на Тоду, Тода – на сеющую капли тучу над их головами. Ещё один кадр: пыльная дорога петлями восходит в горы. По ней идут двое: он и она... Лиц не видно, но и так понятно, кто это. Склонённые друг к другу фигуры, две котомки на мужском плече. Долгий путь к раскалённой точке зенита...

– Теперь ты понимаешь, Елена, о чём я хочу тебе рассказать? – спрашивает Эррандо торжественно.

– Кажется, догадываюсь. Вы с Тодой прошли Путь Сантьяго?

– Так и есть. Я прошёл его трижды. Когда в электричке я услышал, что ты собираешься идти этой дорогой, мне захотелось поддержать тебя и быть твоим наставником. Ведь у каждого

¹⁹ Александр Зацепин, слова песни «Есть только миг» из кинофильма «Земля Санникова».

пилигрима должен быть наставник. Тот, кто первый пожелает «Буэн Камино!»²⁰ Но сначала я расскажу тебе о своем Пути.

Третий рассказ Эррандо

...Впервые об этой дороге я узнал в 12 лет от отца. Он сказал, что Путь Сантьяго должен пройти каждый хотя бы раз в жизни. Но важно правильно выбрать время. «Путь должен сам тебя позвать!» – говорил отец. Я долго прислушивался: не зовёт ли меня Камино? Никак не мог понять – как услышать его зов, пока однажды не почувствовал ясно: пора. Случилось это весной 1961 года, после крушения поезда, устроенного сепаратистами. Мой брат Черу, тогда ещё совсем ребёнок, был в восторге от теракта и мечтал поскорее повзрослеть, чтобы примкнуть к движению. А вот я испытал разочарование, потому что погибли люди. Я был одинок, и мне не с кем было поделиться своими сомнениями. Отец к тому времени два года как пропал без вести – не вернулся с моря. Убитая горем мать целыми днями молча глядела в окно. Мне ничего не оставалось делать, как просить благословения и собираться в путь.

Моя дорога началась прямо отсюда. Я пешком дошёл до Памплоны и там встретил своего наставника. Им оказался однорукий португалец Томаш, бывший моряк. Руку он потерял во время шторма: тяжёлая переборка разрубила её пополам. Томаш, сдвинув шляпу на глаза, сидел на тротуаре возле альберга Иисуса и Марии, а когда я поравнялся с ним, сказал: «Ну, вот, ты и пришёл!». На следующий день мы с ним двинулись в Путь.

Мой наставник был большой любитель вина. Осушив в сиесту бутылку, он принимался рассказывать поучительные истории из своей жизни, в которых вымысел переплетался с правдой. Но мне нравилось всё, что он рассказывал. Я не спрашивал ничего: сколько ему лет, есть ли у него семья, чем он занимается по жизни. Всё, что хотел, он рассказывал сам. Несколько раз Томаш выручал меня из беды. Однажды в Пиренеях он спас меня от раненой волчицы. В другой раз терпеливо выхаживал после лихорадки в Ларасоане. Он не страшился ни физических тягот, ни опасностей, ни людей, ни зверей, ни духов... Его любимым выражением было: «Кораблю в гавани не грозит опасность, но не затем он создан, чтобы стоять на якоре». Тогда я был слишком молод и не мог сполна оценить ту грубоватую заботу, которой он меня окружил. Томаш терпеть не мог телячьих нежностей, но готов был перегрызть горло любому, кто посмел бы заставить меня усомниться в правильности моего Пути.

Помню, на подходе к Утерге я подвернул ногу. Боль была такая, что я не мог ступить ни шагу. Тогда Томаш сказал: «Не вешай нос, Эррандо! Твоя нога, по крайней мере, осталась с тобой. Поболит и заживёт. А то, что придётся задержаться – так это не беда! Вдруг тебя догоняет твоя судьба? Доверься Святому Иакову!». И он оказался прав: моя судьба и вправду догнала меня.

Увидев Тоду, я сразу понял: вот зачем споткнулся! Я влюбился без памяти. Тогда была медсестрой и тоже шла Камино. Она оказала мне помощь: ловко вправила сустав, помазала ногу мазью, забинтовала. Вместе с Томашем они довели меня до монастыря. Тогда велела пару дней оставаться в покое. Я ответил, что это возможно только в том случае, если она останется со мной. Тогда посмотрела на меня своими чёрными глазами – долго-долго смотрела – и произнесла чуть слышно: «Я останусь». Так и осталась в моей судьбе навсегда.

А Томаш на другой день попрощался и пошёл дальше один. Перед расставанием шепнул на ухо: «Я сделал всё, что нужно. Дальше иди сам». С тех пор я его не видел. Когда мы с Тодой дошли до Собора Святого Иакова – прочли «Аве Мария» и зажгли свечу специально за Томаша. Я никогда его не забуду: ведь это он помог мне встретить свою судьбу – мою Тоду.

²⁰ (испанский) Buen camino! – Доброго пути!

...Утро. Пора в путь. У порога Тода вручает мне увесистый пакет: «Здесь немного еды – перекусить в дороге». Её чёрные, словно влажные маслины, глаза ничуть не поблекли, лишь тонкая паутинка морщин отличает их от старой фотографии из шкатулки. Вот и Эррандо в застёгнутой наглухо жилетке, с тёмным беретом на голове – как тогда, в арагонской электричке. Присаживаемся «на дорожку», но тут же встаём и осенённые крестом Тоды выходим в дождливое серое утро.

– Ну что, Елена, ты готова пройти Камино Сантьяго? – спрашивает мой наставник.

– Да, Эррандо. Но было бы здорово, если бы ты пошёл со мной! – пытаюсь шутить я.

Старик на секунду умолкает, косясь в сторону залива.

– А я и так пойду с тобой, Елена. Мысленно. Но ты почувствуешь. Пройду вместе с тобой все повороты и изгибы пути, одолею подъёмы и спуски... На самом деле неважно, какой дорогой ты идёшь, главное – знать, куда держишь путь. Помни об этом.

Синяя гусеница поезда, пыхтя, останавливается на перроне. Короткие минуты прощания. Слова благодарности. Ускользящее время. Тревожный гудок. Я целую Эррандо в колючую щёку, а он успевает сунуть мне в карман сложенную вчетверо бумажку, чтобы я прочла в дороге. Вздвогнув металлическим телом, электричка трогается и стремительно набирает скорость. Вскоре маленькая станция с клумбами петуний скрывается из виду, а с ней – и станционный фонарь, и влажные от тумана лавочки, и машущий рукой суровый старик в тёмном берете, ставший для меня самым дорогим и близким человеком в удивительной Стране Басков...

Часть 2. Наварра

Звёздный Путь Сантьяго

На вокзале Байоны в вагон вваливается толпа людей с рюкзаками. Организованная группа немецких туристов чётко, по-военному рассаживается в голове состава. Разгорячённый испанец с гитарой устраивается на полу и начинает нежно перебирать струны, бросая призывные взгляды златокудрым девам возле окна. К пассажирам присоединяется степенная французская пара: седовласый мсье с тщательно уложенными усами и мадам в белоснежной панаме. За их плечами – походные торбы от кутюр, щедро расшитые ракушками и шлейф из фиалки и сандала. Далее в вагон входят: японская семья из семи человек, включая безволосую старушку с младенческим изумлением в глазах; чета бледных, утомлённых фьордами норвежцев; бразильянка в форме песочных часов; группа снаряжённых национальными барабанами корейцев; чернокожий парень с серьгой и тощей сумой на плече; шумная компания итальянцев в ярких ветровках; пожилой джентльмен с бородкой в стиле Рембрандта, уткнувшийся носом в путеводитель... и другие колоритные персонажи. Все они едут в Сен-Жан-Пье-де-Пор.

В вагоне становится тесно и весело. Кто-то извлекает гнусавые звуки из купленной на перроне пастушьей дудки, чем вызывает всеобщий взрыв хохота. Пассажиры томятся: зевают, жуют, смотрят в окно, болтают по телефону, шнуруют ботинки, читают, пишут, фотографируются...

Но вот поезд останавливается, грустивший женский голос вкрадчиво объявляет название конечной станции. Разношёрстная, разноязыкая толпа шумно выплёскивается на перрон.

Сен-Жан-Пье-де-Пор – игрушечный городок на юго-западе Франции у подножия Пиренеев. Это столица провинции Басс-Наварра – французской части Страны Басков. Помимо байонской ветчины и шоколада, он прославился на весь мир как старт самой популярной французской ветки Пути Сантьяго (*Camino Frances*).²¹ Всего же существует пятнадцать разных маршрутов.²² Все они переплетаются между собой, опутывая паутиной дорог территорию Испании. Но все пятнадцать встречаются в Соборе Святого Иакова.

Путь Сантьяго (*Camino de Santiago*) – один из трёх паломнических путей, возникших в первое тысячелетие христианства.²³ Это важнейший католический маршрут, пройти который, для истинного католика дело чести и способ получить отпущение всех грехов. Однако сегодня мотивы прохождения Пути Сантьяго не ограничиваются религиозными убеждениями. Большинство путников идут в надежде кардинально изменить свою жизнь – разнятся лишь масштабы перемен. Кому-то достаточно расстаться с лишним весом или вредной привычкой. Другие хотят сменить работу, образ жизни, обрести вдохновение или внутреннюю гармонию.

²¹ Официальная длина *Camino Frances* – 765 км, но в зависимости от ответвлений маршрута она может отличаться на плюс-минус 50 км.

²² *Camino del Norte* – Северный Путь, идущий вдоль Бискайского залива из Сан-Себастьяна, *Camino Aragones* – Арагонский Путь из французского Лурда, *Ruta del Ebro* – из Таррагоны, *Camino de Madrid* – из Мадрида, *Via de La Plata* – Серебряный Путь из Севильи, *Camino Portuguese* – Португальский Путь из Фаро и Сантарема, *Camino Ingles* – Английский Путь из Лакоруньи, *Camino Sanabres* – из Саморы, *Camino Finisterra* – с мыса Финистерра, *Camino Mozarabe* – из Гранады, *Ruta de la Lana* – из Куэнка, *Camino de Levanter* – Левантский Путь из Валенсии, *Camino Catalan* – Каталонский Путь из Барселоны, *Camino Primitivo* – из Овьедо.

²³ Первый христианский путь – к гробнице Святого Петра в Риме. Паломников, идущих этим путём, называют «ромейро», в качестве символа они избрали крест. Второй путь – к Гробу Господню в Иерусалиме. Идущие этой дорогой называют себя «пальмейро», пальмовая ветвь является их символом. Третий путь – Путь Святого Иакова (по-испански Сантьяго). Паломников, идущих в Сантьяго-де-Компостелу, называют «пелигримами», а их символ – ракушка морского гребешка «виейра».

Третьи мечтают о «второй половине». Кто-то верит в физическое исцеление, кто-то – в душевное.

Прибывшие в Сен-Жан-Пье-де-Пор путешественники отправляются на улицу Каро, в офис пилигримов. Когда-то в этих стенах располагался монастырь францисканцев. Много веков назад здесь так же записывали имена паломников, отправлявшихся в Путь Сантьяго.

Почтенная мадам в кружевном воротничке пишет под диктовку обычные анкетные данные, мерно покачивая седой головой, но услышав, что я из России, вскидывает брови.

– О! Из России?! У нас не так много пилигримов из России, – она поправляет очки. – Вы католичка?

– Нет.

– А каковы причины паломничества?

– Просто хочу разобраться в себе.

Мадам понимающе кивает и ставит галочку в соответствующий квадратик анкеты.

– Как вы узнали о Пути Сантьяго?

– Из книги.

– Вы идёте пешком?²⁴

– Да.

Когда вопросы иссякают, она вручает мне сложенную гармошкой карточку с моим именем и первой печатью. Это «креденсиаль»²⁵ – главный документ пилигрима, по которому его размещают в альбергах²⁶ на всём протяжении маршрута, каждый раз проставляя штамп-отметку. Кроме того, мне выдают буклет с подробной картой, профилем высот, пунктами пересечения с транспортом, списком приютов и другой полезной информацией. В завершение ритуала мадам предлагает выбрать ракушку из розовой груды в корзине – я беру ту, что лежит сверху и привязываю её к своему рюкзаку. Формальности завершены – впереди знакомство с французской Басконией!

На главной площади шумно илюдно. Гудит оркестр, журчат голоса, смех перекачивается до самых гор и отскакивает обратно мягким округлым эхом. Сегодня выходной, а значит – по умолчанию праздник. Праздновать баски по обе стороны Пиренеев любят не меньше, чем готовить и есть! Народные игры и забавы демонстрируют культивируемые веками мужские добродетели: силу, отвагу, бесстрашие. Баски играют в «пелоту»,²⁷ косят на скорость траву, поднимают неудобные тяжести (например, живых быков). А ещё танцуют. В народных танцах басков слышны отголоски древних боевых плясок: виртуозные подскоки, сложные перестроения и даже акробатические элементы, имитирующие схватку с противником. Зрители подплясывают и подпевают.

²⁴ Путь Сантьяго можно также преодолеть на велосипеде или верхом на лошади.

²⁵ Креденсиаль (*credencial*) – временный «паспорт» пилигрима, заполняемый по мере прохождения Пути печатями. По завершении Камино на его основании выдается свидетельство – компостела (*compostella*).

²⁶ Альберг (*alberge*) – приют для пилигримов. Бывают муниципальными – дотируемыми из муниципального бюджета; Ассоциации Друзей Пути Сантьяго, работающие на «donativo» – добровольных пожертвованиях без фиксированной суммы; и частными. В большинстве частных альбергах есть private комнаты. Теоретически ночевать можно и в комфортабельных отелях, но при этом теряется дух паломничества, предполагающий определенные физические лишения ради укрепления духа.

²⁷ Пелота (*pelota*) – баскская народная игра мяч, прообраз сквоша. Игрок изо всех сил бросает жёсткий мяч диаметром 6,5 см рукой или бьёт по нему ракеткой-ловушкой (слегка изогнутой битой) в стену высотой 9 м. Соперник должен отбить мяч с воздуха или после одного удара о поверхность площадки размером 60×16 м.

В бурлящей толпе на площади смешались местные и приезжие, включая прибывших из Байоны пилигримов. Я подхожу как раз к началу турнира по «айсколари» – рубке дров на скорость. Участники состязания выходят на огороженную площадку вроде боксёрского ринга. Каждая команда состоит из двух-трёх человек: главного «рубщика» и ассистентов, в обязанности которых входит менять затупившиеся топоры и подсказывать, куда лучше метить удар. Подсказывать нужно голосом, ни в коем случае не рукой – иначе вмиг можно лишиться пальцев. Арсенал для айсколари хранится в специальном чемоданчике и впечатляет разнообразием: неподъёмные секиры, обоюдоострые тесаки, бердыши и колуны, миниатюрные топоры для рубки сучков.

«Рубщики» закатывают рукава и по свистку принимаются разделять каждый своё полено, подбадриваемые криками болельщиков. Несколько минут – и всё кончено: гора щепы, расчленённые чурбаки – и ликующий победитель гордо потрясает топором над головами потрясённых зрителей. Приносят следующее бревно, посложнее первого – тут сучок, там щербина. Ассистент выбирает подходящий инструмент, и всё повторяется заново. По результатам нескольких подходов определяют победителя. В этот раз им становится мелкий, но необычайно сильный и ловкий гасконец. На радостях он даёт показательную рубку «на бис», искрошив в минуту внушительную колоду.

Турнир завершается плясками и массовым гулянием. Туристы, ошеломлённые зрелищем, разбредаются по кафе и сувенирным лавкам, в которых наверняка имеется что-либо на тему айсколари. А пилигримы муравьиной тропой стекаются в приют: завтра вставать на рассвете.

Вспомнив об аппетитном пакете Тоды, я приглашаю польскую семью, с которой мы познакомились во время турнира, на ужин. Вчетвером – Агнета, её сын Ежи, дочь Ева и я – рассаживаемся вокруг выскобленного добела деревянного стола. Поляки приносят хлеб, помидоры и головку овечьего сыра. Я достаю из пакета – о, милая Тода! – промасленный свёрток жареных сардин, сваренные в мундире картофелины, пузатую банку ароматного соуса и домашний пирог, всё ещё тёплый и пышный, как пуховая подушка. И – привет от Эррандо – бутылка чаколи с самодельной биркой. Всё это уничтожается в один присест и с отменным аппетитом!

Мы прощаемся до завтра, условившись идти вместе. Агнета с детьми отправляется спать, а я выхожу на улицу, к стенам древней Цитадели, чтобы собраться с мыслями, переварить обильный ужин и впечатления длинного-длинного дня.

...Сидя на лужайке среди мерцающих камней, зачарованно смотрю вниз, на затерянный в горах, застрявший в веках городок. На убаюканные закатным солнцем улицы, бело-розовые дома с кукольными ставнями, на ржавую черепицу крыш и дымные струи, уходящие отвесно в небо. Речка, стиснутая гранитными парапетами, устало дремлет. Старая водяная мельница, как и столетия назад, лениво вращает тёмными, разбухшими лопастями.

На освещённом склоне свет ещё играет с тенью: от нежно-салатной и изумрудной зелени – к тёмно-малахитовой гуще, а с другой стороны гор уже ползёт чёрно-зелёная тень. Ещё минута – и солнце скроется за гребешком перевала, который предстоит преодолеть первым. Завтра начнётся мой Путь, к которому я так долго готовилась, о котором так давно мечтала.

Рука в кармане нащупывает плотный листок бумаги. Я вспоминаю о записке Эррандо и бережно разглаживаю её на коленях. Передо мной старательно выведенные слова молитвы, которой благословляют пилигримов в Путь их наставники:

«Да пребудет с тобой Святой апостол Иаков, да явит он тебе то, единственное, что ты должен открыть. Да не затянется твой поход, да не оборвется до срока, но продлится ровно столько, сколько требуют Законы и Необходимости Пути. Да пребудет с тобой

дух паломников иных времен. Шляпа убережет тебя от солнца и черных мыслей, посох защитит от врагов и дурных поступков. Да осеняет тебя днем и ночью благословение Господа, Сантьяго и Пречистой Девы. Аминь»...

Солнце тает. Бьёт колокол. Город погружается в сизый сумрак, наполненный таинством и предвкушением пути. Вот последний луч скользит по кромке гор, и, вздрогнув, меркнет. А в далёкой прогалине меж вершин, за бронзовыми отсветами, где-то там, засыпает длинная, трудная дорога, которую мне предстоит пройти...

Пиренейский перевал

...Если бы можно было спросить благочестивого католика средневековой Европы, у кого он попросит благословения, отправляясь в путь, то он ответил бы, не задумываясь, – у Святого Иакова. Если задать тот же вопрос современному пилигриму – ответ будет тем же. Во все времена Сантьяго покровительствовал путешественникам, идущим особой дорогой – удалённой от шумных магистралей, фешенебельных курортов и проторённых экскурсионных маршрутов. Путь сердца, путь обретения себя, путь ученичества... И пусть эти слова звучат несколько наивно в наш прагматичный век, однако такие дороги существуют и поныне. Их география охватывает не только города, страны, континенты, но и внутренние миры людей, бесконечно глубокие и до конца никогда не изведанные. Так уж случилось, что слово «пилигрим», которым раньше называли паломника, идущего Путём Сантьяго, постепенно превратилось в синоним искателя, странника...

Кем же был Святой Иаков? И как появился Путь, названный его именем?

Иаков – один из двенадцати апостолов Христа, призванный Им в числе первых. Вот как это произошло: *«И пройдя... немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, так же в лодке починивающих сети, и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним»*.²⁸ Так галилейский рыбак стал проповедником. По матери своей, Саломее, приходящейся сестрой Богородице, он был двоюродным братом Иисуса Христа. Вместе с Петром и Иоанном Иаков стал одним из наиболее приближённых Его учеников. Он был неоднократным свидетелем творимых Христом чудес, видел воочию воскрешение из мёртвых дочери Иаира, в числе избранных наблюдал Преображение Господне на горе Фавор и беседу Его с Илией и Моисеем. Иаков был рядом с Учителем той ночью, когда стража схватила Его в Гефсиманском саду, и в те минуты, когда Христос молился в преддверии страшных мучений, принятых Им во благо спасения человечества.

Учитель предсказал Иакову мученическую смерть за Веру, предрекая «испить до дна чашу страданий». Но пророчество не остановило преданного ученика. Вместе с другими апостолами он отправился проповедовать Слово Божие. Иаков распространял Евангелие в римской провинции Испания. Спустя несколько лет, в 44 г. н.э. страшное предсказание сбылось: по возвращении в Иерусалим, апостол Иаков был схвачен царем Агриппой и казнён. Он стал первым апостолом, принявшим мученическую смерть во имя Веры.

После казни ученики и последователи Иакова тайно погрузили тело апостола в мраморный саркофаг, положили его в лодку, и отправили морем на Пиренейский полуостров, чтобы похоронить там, где проповедовал мученик. Чудесным образом, миновав все шторма и бури, лодка с телом Иакова прибыла к берегам Испании, но в самом конце перевернулась и вместе с саркофагом погрузилась на дно. После подъёма из пучины и лодка, и гроб оказались густо облеплены ракушками морских гребешков – виейрами. С тех пор виейра является главным символом Пути Святого Иакова. Нашедшие останки апостола испанские христиане захоронили их в местечке под названием Ириа Флавия (современный Эль-Падрон) и забыли на несколько столетий.

Спустя века монах-отшельник по имени Пелайо однажды ночью услышал хор ангелов и увидел яркую звезду, воссиявшую над неприметным холмом. Из-под земли поднималось волшебное свечение. Именно здесь впоследствии и обнаружился саркофаг с останками Свя-

²⁸ Евангелие от Марка [1. 19—20].

того Иакова. Над ними возвели церковь, вокруг которой начал расти город, названный Компостела (Campus Stella, дословно – «Поле Звезды»).

В те времена христианство переживало не лучшие времена. Пиренейский полуостров был почти полностью захвачен маврами. И лишь северные земли – Астурия, Галисия и Леон – оставались непокорёнными. Для христиан обретение мощей Святого Иакова по силе духовного воздействия было сопоставимо с Благой Вестью о Воскресении самого Спасителя. С тех пор началась череда чудес, обраставшая постепенно ореолом легенд и противоречивых толкований. Но достоверно лишь одно – то, во что ты веришь... Со временем маленькая церковь превратилась в величественный Собор Сантьяго-де-Компостела – это конечная географическая точка Пути. Но ещё раньше к месту обретения мощей стали стекаться паломники, чтобы поклониться священным останкам Иакова. Путь себе они прокладывали по звёздам, отсюда другое название – Звёздный Путь Сантьяго – он в точности повторяет небесную линию Млечного Пути.

Идти приходилось буквально на ощупь, блуждая меж гор и лесов, испытывая нужду и подвергаясь всевозможным опасностям, начиная от зубов и когтей диких зверей, заканчивая налётами разбойников, свирепствовавших на безлюдных дорогах. Поэтому ещё один символ Пути – посох – был призван защитить пилигрима от врагов и облегчить преодоление горных круч. Другие атрибуты Камино – шляпа, защищавшая от зноя, походный плащ, служивший одеялом, и высушенная тыква для воды. Больше у паломников ничего не было...

Я разглядываю первоклассную экипировку современных пилигримов: эргономичные рюкзаки, удобные кроссовки и ботинки, костюмы-трансформеры, палки для трекинга, альпенштоки и хитрые системы утоления жажды на ходу, и понимаю, что физические тяготы нынешних паломников не идут ни в какое сравнение с испытаниями их средневековых предшественников. Но постепенно мой оптимизм иссякает. После трёх километров пути разница стирается. Организм рафинированного жителя мегаполиса, не привыкшего много ходить, испытывает колоссальные перегрузки. А дорога, между тем, идёт всё вверх и вверх, лишь прибавляя крутизны. Туда же устремляется и солнце, превратившись из утреннего жёлтого одуванчика в безжалостно палящее светило.

Сразу три мои оплошности вскрываются в процессе движения в первый же день. Первая – совершенно неподходящий рюкзак. Я наивно полагала, что чем меньше по габаритам заплечный багаж, тем легче будет его нести. Ничего подобного! Набитый до кирпичного состояния мешок, больно упирается прямо в лопатки, плечи растёрлись в первый же час, так как каждые десять минут я пытаюсь вскинуть рюкзак и поудобнее расположить его на себе. К полудню ощущаю себя каторжником-бурлаком, волочащим за собой маленькую баржу, или египетским рабом – передовиком производства на строительстве пирамид. Чтобы попить воды, нужно сначала снять это чудовище с натруженных плеч, затем опустить дрожащими руками на землю, выковырнуть из тесного кармана пластиковую бутылку и только тогда испить несколько глотков. Но мысль о том, что его надо возвращать обратно на спину кажется в этот момент невыносимой!

Второй прокол – отсутствие посоха. Я скептически наблюдала за «избалованными» европейцами, идущими даже по ровному асфальту с «лыжными палками», издающими смешной цокающий звук. Вот чудики! – думала я. Но когда наступило время подъёма в гору, я сильно изменила своё мнение. На самом деле чудиком оказалась я! Лишняя точка опоры была бы сейчас отнюдь не лишней. В конце концов, заметив первый же перелесок недалеко от дороги, я ответвляюсь туда и нахожу себе крепкую суковатую палку. Не бог весть какую – но всё же лучше, чем совсем никакой! Я проверяю её на прочность, наваливаясь всем телом, включая рюкзак, ставший с недавних пор неотъемлемой частью спины, и, удовлетворённая результатом, иду дальше уже с настоящим посохом. Некоторые из проходящих мимо пилигримов одобри-

тельно кокают языками и показывают жестами, мол, молодец! – блюдёшь традиции по полной программе. Я лишь вымученно улыбаюсь в ответ.

Третья моя оплошность – русское «авось»: ну зачем я не послушалась Агнету и не перебинтовала стопы эластичным бинтом? Во время преодоления крутых подъёмов и спусков суставы ног должны быть прочно зафиксированы либо специальными высокими ботинками для трекинга, либо (за неимением оных) любыми подручными средствами. И ведь бинт-то у меня есть, лежит себе в аптечке в спрессованном чреве рюкзака, только как его оттуда теперь достать? Страшно подумать! Вот так, в осмыслении ошибок, под жгущим немилосердно солнцем продолжаю я свой нелёгкий путь...

Буклет, выданный в офисе, гласит: маршрут первого дня Сен-Жан-Пье-де-Пор – Ронсевальес составляет 27 км, перепад высот – 1,5 км. Высшая точка этапа – перевал Lepoeder. Иду дальше...

Сегодня, ранним утром, когда пилигримы стройными рядами, чуть ли не марширующими колоннами, покидали сквозь Испанские Ворота Сен-Жан-Пье-де-Пор, мне казалось: вот и мечта сбылась! Теперь я только и буду делать, что любоваться первозданной природой, вдыхать целебный воздух, тренировать обленившееся тело и предаваться возвышенным мечтам! Но в эту самую минуту мне хочется только одного: скинуть ненавистный рюкзак, рухнуть на землю и лежать, лежать, закрыв глаза... вечность. Но в голове звучит хриплый голос Эррандо: «Элена, надо идти!». И я иду...

Узкая горная тропа, усеянная камнями, – самое подходящее место для философских дум. Как не вспомнить на ней про первых пилигримов X века – тех, что отправились в Путь в чистосердечном стремлении избавиться от грехов и достойно предстать перед Страшным Судом. То была эпоха эсхатологических настроений: в воздухе витало предчувствие Конца Света, приуроченного к окончанию грядущего тысячелетия. Знакомая ситуация – не правда ли?! Конец Света, к счастью, тогда не наступил, но мир потрясли новые войны, неурожаи, эпидемии и катаклизмы. В последние годы человечество так же активно говорит и спорит о Конце Света, перетасовывая даты и выдвигая массу научных и не очень гипотез.²⁹ Природа и социум подливают масла в огонь: то новый виток мирового кризиса, то очередное леденящее кровь преступление, то трагический разгул стихии... Быть может, каждому человеку изначально назначен свой личный апокалипсис? И страх его пережить (точнее – не пережить) и толкает его на путь самопознания и развития? Хорошо бы, если так, ведь проще навести порядок в своем собственном «сараяе», нежели вступать в партию по борьбе с грязными сараями планеты и увязнуть в бесконечной и бесплодной битве за... или против – неважно.

Резкий и мощный шквал ветра вмиг выдувает из головы сложные умозаключения. За раздумьями я и не заметила, как дошла до заветного перевала, миновав первый рубеж – неприемлемую границу между Францией и Испанией. Пиренейские горы во всём своём необъятном величии предстают перед застывшими над пропастью людьми. Здесь царство ветра и свободы. Лесистые склоны – все в пятнах света, будто шкура благородного оленя. Бескрайние луга с пугливыми стадами облачно-воздушных черномордых овец, тонкий звон их бубенцов. Ледяные ручьи с тающих вершин скрываются в тёмных зарослях плюща. Стремительные табуны тонконогих лошадей, парящие высоко в небе орлы и петляющая вдали белая дорога...

Рюкзаки, палки, фляжки – всё летит в общую кучу. Щёлкают затворы фотоаппаратов, жужжат камеры, тренькают мобильники. Мужчины снимают пропотевшие майки, играя мускулами и сверкая содранными локтями. Женщины лезут в рюкзаки – кто за помадой, кто за пластырем. Запруда из живых людей охает, ахает, шепчет, вздыхает, лепечет на разных языках.

²⁹ В тот момент, когда пишутся эти строки, до очередного Конца Света – 21.12.12 – остаётся 24 дня.

Слышится тихий смех и приглушённый стон: кто-то снимает обувь с растёртых ног. Большая и самая трудная часть сегодняшнего перехода – позади. Теперь дорога пойдет вниз, к Ронсевальскому ущелью. А сейчас надо встать и идти...

Спускаться вниз ничуть не легче, чем подниматься в гору. Стремительно темнеет. Сумрак сгущается на глазах, сливаясь с мрачной тенью леса. Зловещие призраки прячутся за стволами вековых дубов, тают в сырых расщелинах, неприкаянно блуждают по острым скалам. Кажется, физической усталости нет предела... Проходят бесконечно долгие часы, прежде чем в окружающих приметах я начинаю угадывать признаки близкого селения: старуха с хворостиной, бредущая вслед за коровой, парочка без рюкзаков, собака в ошейнике. Ноздри улавливают щекочущий запах дыма, а значит – близкого ночлега. Последний рывок, влажный лесной тоннель со скользкими корнями, полуразрушенный каменный мост и передо мной будто из-под земли вырастают стены древнего монастыря. Здесь, начиная с XII века, обретают приют паломники, осеняемые защитой «Нашей Сеньоры Ронсевальской», на французский манер – «Нотр-Дам де Ронсесвальес». Церковь её имени недалеко от альберга. Прохожу внутрь в надежде, что для меня осталось местечко: явилась я одной из самых последних. О, счастье, да!

На лестнице встречаю свежую жизнерадостную Агнету, которая уже третий час как здесь – успела принять душ, вздремнуть и даже пройтись по улицам деревни. Она сочувственно глядит на мои опухшие ноги и приносит мазь, способную по её заверениям к утру меня реанимировать. Делаю вид, что верю, но получается с трудом. Улиткой доползаю до своей кровати, скидываю с плеч каменную глыбу, со стоном выпрастываю из кроссовок измочаленные ноги, придирчиво их осматриваю. Левая нога: три мозоля на пяти пальцах, пятка стёрта до крови. Правая: сизый вспухший голеностопный сустав и мизинец, превратившийся в сплошной волдырь. Иду в душ и долго стою под тёплой струей воды. Плечи щиплет от мыла, на них две свежие ссадины от лямок рюкзака. Правая ладонь, ободранная корявым посохом, не разгибается. Спина – сплошная боль. Только сейчас вспоминаю, что с утра кроме банана ничего не ела. На мысли о еде желудок отзывается нежным, но настойчивым мурлыканьем. Я кое-как вытираюсь, переодеваюсь в чистое, мажу ноги мазью Агнеты и вместе с другими голодными пилигримами иду в трапезную, где нас ждёт простой, но сытный ужин. Сытный и чрезвычайно короткий: через полчаса я уже в кровати. Лежу, глядя в потолок, на старые дубовые балки, которые, наверное, помнят тысячи уставших паломников, блаженно растянувшихся под ними, благодарящих небеса за хлеб и кров.

...Удивительное состояние. Ни следа от недавней боли, ни тени мысли в голове, «ни слов, ни музыки, ни сил»... Кажется, душа моя на время покинула свою телесную оболочку, предоставив ей право самой справляться с непривычными физическими ощущениями. Предельная усталость поглотила всё лишнее, ненужное. Померкли некогда важные проблемы и суетливые заботы, никчёмные переживания и мелкие обиды. Обнулилась оперативная память, безжалостно вытряхнув в корзину цифры, номера телефонов, строчки документов и списки неотложных дел. Отпустили тревоги, исчезли угрызения совести, рассеялись сомнения. Стало всё равно: кто ты, откуда, как тебя зовут... И даже цель, следуя которой, пустилась я в этот отчаянный поход, в эту безрассудную авантюру, ускользает от понимания. А, может быть, её никогда и не было, этой цели?.. Может быть, и не было... Никогда... Может быть...

Песнь о Роланде

Просыпаюсь от мелкой вагонной тряски, кто-то крепко сжимает моё плечо. Открываю глаза – вижу Агнету. Её взгляд встревожен, губы беззвучно шевелятся: она что-то хочет сказать, но я ничего не слышу. Мне требуется минутное усилие, чтобы сообразить, что в ушах у меня беруши. Когда я их, наконец, вытаскиваю, слух возвращается ко мне – слава Богу, я не оглохла!

– Елена, пора вставать! Уже все ушли. Мы – последние! – в её голосе слышится крайняя озабоченность человека, живущего по расписанию и не привыкшего быть последней.

– Который час?

– Половина восьмого! – Агнета произносит это так, как будто на дворе уже, по меньшей мере, полдень. – Давай, поднимайся, я иду варить кофе.

– Встаю, – отзываюсь я, окончательно осваиваясь в реальности.

В комнате, где вчера устроились на ночлег десятка три пилигримов, действительно почти никого не осталось. Я свешиваю ноги с кровати и осторожно наступаю, приготовившись к острой боли, однако ничего подобного не чувствую. Ай да мазь! Делаю шаг, второй, встаю на носочки, аккуратно приседаю – ничего. Ноги мои вполне работоспособны и почти здоровы, полноценно отдохнув и подлечившись после вчерашнего марш-броска. Спина и плечи побаливают, но тоже терпимо. А главное, в душе вдруг вспыхивает праздник! Только сейчас до меня доходит, что я осилила 27 километров и перевал через Пиренеи. И пусть это только первый день пути, зато самый сложный, и я его прошла! Я бегу в душ, потом на кухню, где меня уже ждут, чинно усевшись на лавках, Агнета и её дети. На столе дымятся четыре чашки кофе, между ними – тарелка с хлебом, дощечка с сыром и блюдце абрикосового варенья.

– Агнета, спасибо тебе! И за мазь, и за кофе!

– Да ничего особенного, – улыбается она. – Подумала, а почему бы нам не пойти сегодня вместе? Ты как на это смотришь?

– Я – за! Если дети не возражают.

– А мы всё равно отдельно пойдём, – сообщает двадцатилетний верзила Ежи, на голову выше матери, на полторы – сестры. – А то слишком много контроля. Вон вчера не дала даже в сиесту поспать.

– Тогда бы мы не успели вовремя сюда, – терпеливо поясняет мать. – Дистанция слишком длинная!

– Тебе только дай поспать – потом пушкой не разбудишь! – сестра Агнета мелкими кулачками стучит по спине брата.

– А ты пробовала?

– Ну, хватит! – вмешивается мать. – Если хотите, сегодня можете идти отдельно, но только чтобы я вас видела! Договорились?

Мы моем чашки, берём у входа свои посохи и выходим в новый день.

Только сейчас, освободившись от усталости и боли, в свете дня мне удаётся как следует рассмотреть могучие стены монастыря августинцев, соборную церковь Святой Марии, а заодно и припомнить историю, придавшую сказочно-героический ореол здешним местам. Я имею в виду легендарную битву в Ронсевальском ущелье, увековеченную в «Песне о Роланде». Эта красивая средневековая поэма на старофранцузском языке – пример того, как из заурядного и не очень-то героического по своей сути события можно сделать высокий гимн доблести и чести. Что же произошло в те тревожные, непростые для Европы времена?

Карл Великий, король франков, долгие годы продолжавший войну с маврами на испанской территории, в 778 году встал перед дилеммой: продолжить штурмовать непокоренную

Сарагосу – последний оплот арабского владычества – или отступить, поверив на слово сарагосскому правителю Марсилию, обещавшему повиновение и принятие христианства в обмен на отказ от осады. Лучший полководец и племянник Карла рыцарь Роланд не доверял словам ненадёжного Марсилия. Однако хитрый и коварный интриган Ганелон – отчим Роланда – убедил Короля франков принять предложение врага. Взаимная неприязнь рыцаря с наречённым отцом обернулась роковыми для Роланда последствиями. По мнению историков, именно Ганелон имел прямое отношение к разгрому франкского арьергарда в Ронсесвальском ущелье. Другая гипотеза учёных говорит о битве между войсками Карла Великого и свободолюбивыми басками, опасавшимися порабощения франками и потери независимости, а потому вступившими в сговор с сарацинами. Как бы то ни было, арьергард королевского войска во главе с Роландом оказался зажатым в узком скалистом ущелье и стал лёгкой добычей для врага. Атака стала для франков полной неожиданностью, а дислокация битвы не позволила оказать достойного сопротивления.

Тщетно друг Оливье призывал Роланда вострубить в волшебный боевой рог Олифант, чтобы призвать на помощь подкрепление. Не позволила гордость рыцаря послушаться доброго совета товарища, не сумела юношеская бравада уступить мудрой подсказке старшего. Пал в бою храбрый Роланд, а с ним и «воин меча и мысли» Оливье, и епископ Турпен, и все двенадцать пэров Карла Великого. И хотя раздался под конец сражения зов Олифанта, было уже слишком поздно. Вернувшись на клич рога, Король франков застал лишь обогрённое кровью поле битвы и погибших в неравном бою своих доблестных воинов.

«...Лёг Роланд на землю, лицом к врагу. Поднял руку в рыцарской перчатке к небу и беспретно встретил смерть, как подобает воину. Лежит неистовый, безудержно отважный, безмерно храбрый и беспримерно преданный милой Франции рыцарь Роланд в долине Ронсевалья. Он лежит в своих золотых доспехах, обогрённых кровью, с белым рогом своим Олифантом и с мечом Дюрандалем. Так и нашёл его на поле битвы седобородый Карл...»³⁰ – это кульминация поэмы, в которой слились воедино боль и величие. Именно так беззаветно и преданно должно служить сюзерену. Что до человеческих слабостей и пороков, помешавших призвать на службу не только храбрость и отвагу, но и разум, и мудрость, то эти мелочи несколько не умаляют величия героя французского эпоса. Самое значительное в «Песне о Роланде», равно как и в других поэмах о рыцарях, – вовсе не исход конкретной битвы, а готовность воина сражаться с врагом до конца, «до последней капли крови». Лишь одному сюзерену помимо Короля может присягнуть вассал – Богу, что и делает умирающий Роланд, поднимая к небу руку в рыцарской перчатке. А меч Дюрандаль, по преданию, и по сей день покоится на дне горной реки, куда сбросил его истекающий кровью воин, чтобы не достался он врагу.

Поэма заканчивается торжеством справедливости: Сарагоса пала, Марсилиус убит, коварный Ганелон предстал перед Судом Божиим, а Карл Великий вновь отправляется в поход. Но Страна франков долго ещё скорбела о своём герое. Легенда настолько овладела сердцами людей, что позже Роланд обрёл собственную поэтическую судьбу: были сложены поэмы о его рождении, детстве, первом знакомстве с королем Карлом и обретении меча Дюрандаля, о его подвигах и деяниях, любовных приключениях и воинской дружбе. Артефакты, связанные с его судьбой, памятники, посвящённые герою, рассеяны по всей Европе. Изображение Роланда украшает гербы и эмблемы европейских городов и стран.

Героический образ доблестного рыцаря, несмотря на гипотетичность сюжета, снисхождение к историческим неточностям, допискам и дополнениям – это, прежде всего, великая идея, обладающая нерушимой силой и святостью, идея преданного и беззаветного служения своей земле и вере...

³⁰ «Песнь о Роланде», в переложении Марковой В. Н. [Последний бой Роланда].

Вот по какой легендарной дороге мы идём в эту самую минуту. Великий рыцарский путь из Франции в Испанию, дорога завоевателей и паломников, королей и контрабандистов, мирных послов и свирепых разбойников. Сейчас это увлекательный и весьма прибыльный туристический маршрут, вписанный в исторический ландшафт и приправленный изрядной толикой мистики и романтики, а для кого-то ещё и действенный способ испытать себя.

Дети Агнеты ушли далеко вперёд, на горизонте видны их худенькие фигурки: одна долговзая, другая пониже. Угловатая, как новорождённый олененок, Ева – тринадцатилетний нескладный подросток с брекетами и модной крашеной чёлкой и вечно сонный студент Ежи – добродушный ворчун с печальными серыми глазами, в недавнем прошлом безнадёжный наркоман. Агнета как-то вскользь упомянула, чего ей стоило вырвать сына из наркотического ада. Два года отчаянной борьбы на грани возможного без права на передышку. Но теперь всё позади. Её Ежи с ней, он здоров и скоро станет, как и мама, инженером-судостроителем. Мне редко приходится видеть такие нежные отношения между взрослым братом и младшей сестрой: всё-таки семь лет разницы в таком возрасте – непреодолимая пропасть.

– Ева росла на руках у Ежи, – рассказывает Агнета, – когда девочка пошла в школу, он брал её с собой на каток и учил играть в хоккей. Если дворовых мальчишек не хватало для ледового боя, на ворота ставили Еву. А она... Она была страшно горда, что большие мальчики берут её в свою игру. И даже скрывала от меня свои спортивные раны – шишки и синяки, представляешь?

– А Ежи тоже участвует в её девчачьих затеях? – интересуюсь я.

– Ты знаешь, да! Как-то они вместе пошли покупать для Евы первую губную помаду. Я хорошо помню, как они встретили меня у порога с заговорщическим видом, их распирала изнутри общая тайна. А дело было всего лишь в оранжевом блеске на губах дочери. Я не сразу заметила, а сын оскорбился едва ли не больше, чем сестра. Ещё бы, ведь это он выбирал цвет!

Посерьёзнев, Агнета добавляет:

– Если бы не Ева, не уверена, смогла бы я спасти сына... – и надолго замолкает, присев к развязавшемуся шнурку.

Я жду, когда она перешнурует ботинки, и аккуратно меняю тему.

– Агнета, давно хотела тебя спросить: откуда ты так хорошо знаешь русский?

– Учила в школе – это раз, – Агнета, пытаясь выпрямиться, – а ещё была активисткой школьного Клуба интернациональной дружбы и целый год переписывалась с русским мальчиком, кажется, из Киева. Ведь тогда ещё был Советский Союз!

– Помню-помню! – оживлённо подхватываю я. – В СССР в те годы выходил журнал «Польша» и там были адреса польских школьников, желающих переписываться со своими русскими сверстниками. Ты не поверишь, мы с братом тоже переписывались тогда с поляками!

– Ну, а главное, – продолжает Агнета, – я уже долго работаю на верфи, где строятся и ремонтируются корабли, среди которых немало русских, то есть теперь уже российских. Поэтому русский я знаю не хуже, чем польский!

Мои глаза округляются: второе совпадение оказывается ещё более поразительным.

– Постой, ты ведь живёшь в Гданьске?

– Ну да.

– И работаешь на Балтийской верфи?

– Да.

– Не может быть! – изумляюсь я. – Выходит, мы с тобой ходили по одним и тем же стапелям весь прошлый год!

– Ты что, работала на нашей верфи? – недоумевает полячка.

– Представь себе! Ну, не то чтобы работала... Часто приезжала к вам в Гданьск, потому что участвовала в оборудовании парусника «Алые паруса». Слышала о таком?

– Ещё бы! – теперь очередь Агнеты округлять глаза. – О нём говорила вся верфь. Только русские могут придумать шить оснастку из красной парусины! И делать осадку, которой не может быть в принципе.

– Но у нас это получилось!

– О, да!

Мы на радостях обнимаемся как друзья-моряки, сошедшие на берег после долгого похода.

– Ну, надо же! Почему же мы не встретились тогда? Никак не могу понять.

– С чего ты взяла? – отвечает рассудительная Агнета. – Может, десятки раз и встречались. Просто там была совсем другая жизнь, и мы не обращали друг на друга внимания. Мало ли кто приезжает к нам на верфь? А по работе тесно и не сталкивались.

– Это ещё что! – вспоминаю я. – Бывает так, что живут люди в одном городе, на одной улице, чуть ли не в одном доме, а знакомятся только на другом конце земного шара! У меня так было!

– У меня тоже!

– Вот видишь? Значит, просто теперь настало время, – заключаю я, и мы шагаем дальше.

...Бургете, Зубири, Ларасоана, Тринидад-де-Арре... Наваррские городки и деревни – все как один чудо-пасторали: тихие, маленькие, уютные и какие-то... кукольные, словно объёмные слайды из стереофильмов моего детства. Белёные домики, черепичные крыши, тёмные ставни, кружевные занавески в раскрытых окнах, горшки с цветами и розовые кусты у входа. Ватные облака, река из фольги, фонари из папиросной бумаги. Только вместо пушистых мишек и гномов из сказки – взаправдашняя бабулька с живой козой, старичок за рулём трактора или юный пастушок с медным рожком и длинной палкой. Возле каждого дома – непременно скамеечка, на которой можно передохнуть, в том числе и проходящему страннику. В любом селении есть своя церковка с поэтическим названием, бережно хранимая местная легенда, руины крепости, часовня или башня с аистом на крыше, на худой конец, древний амбар, до сих пор исправно выполняющий свою сельскохозяйственную функцию. При виде этих пасторальных картинок рука инстинктивно тянется к фотоаппарату, но груз рюкзака и усталость часто перевешивают первый порыв, и восторги остаются запечатлёнными лишь в памяти.

По следам Хемингуэя

Земля Наварры полна природного магнетизма, притягивающего к ней людей творческих и страстных, неутомимых собирателей образов и впечатлений, коллекционеров острых ощущений и ярких, бодрящих чувств. Тех, кто во всём ищет свежесть и вдохновение.

Её история, уходящая узловатыми корнями к древним преданиям и традициям, её неистовые праздники и неуёмная страсть, ещё не тронутая цивилизацией природа и добродушная простота местных жителей привлекают сюда писателей и художников, музыкантов и поэтов, композиторов и режиссёров, да и просто ценителей прекрасного.

В 20-х годах прошлого столетия по этой земле путешествовал Эрнест Хемингуэй – старик Хэм, как называла его богема. Его ноги ступали по дорогам Наварры, он гулял в буковых пиренейских лесах и ловил форель в реке Ирати, сиживал с друзьями в местных барах, заполненных бородатыми горцами.

В Бургете сохранился в неизменности двухэтажный отель с зелёными ставнями, где когда-то ночевал писатель: *«Мы пошли в гостиницу мимо выбеленных каменных домов, где целые семьи сидели на пороге и глазели на нас... Толстая женщина, хозяйка гостиницы, вышла из кухни и поздоровалась с нами за руку. Поднимался ветер, и в гостинице было холодно. Хозяйка послала с нами служанку наверх показать комнату. Там были две кровати, умывальник, шкаф и большая гравюра в рамке – „Ронсевальская Богородица“. Ставни дрожали от ветра...»*³¹

Комната, в которой останавливался Хемингуэй, несколько не изменилась за минувшее столетие. Тучная сеньора, по-видимому, правнучка той прошлой хозяйки, с гордостью показывает нам медную мемориальную табличку у двери. Мало изменился и сам отель, по-прежнему холодный и сырой. Да и дорога, по которой мы идём вот уже третий день, кажется, ещё хранит пыльный след башмака старика Хэма. Но больше всего имя писателя чтут в Памплоне, где разворачиваются основные события его знаменитого романа «Фиеста».

Памплона и праздник Сан-Фермин, свидетелем и неоднократным участником которого был Хемингуэй, пожалуй, наиболее ярко характеризуют Испанию, как страну, соединяющую в себе язычество и христианство. Ну, скажите, в каком ещё городе мира чествование Святого заканчивается безумной вакханалией с риском для жизни? Где ещё пение религиозных гимнов соседствует с винными реками и земными удовольствиями? Как в течение девяти дней сдержанное католическое благочестие смешивается с пышными парадами и развлечениями, строгие церковные ритуалы – с фривольными уличными играми, торжественные мессы – с ярмарками и кровопролитными зрелищами? Видимо, отчасти это объясняется тем, что Святой Фермин был не только первым епископом Наварры, но ещё и покровителем виноделия и хлебопечения. Отсюда и проистекает замысловатый дуализм верований, эклектичность традиций, синтез духовного и материального, поставленный нынче на службу городской казне.

Центральное событие праздника – пробег «энсьерро»:³² экзальтированная толпа мчится перед разъярёнными быками, играя со смертью. От загонов Санта-Доминго до Пласа дель Торос,³³ где вечером проводится коррида, 850 метров, а бег продолжается всего три-четыре минуты, но ради них на праздник съезжаются тысячи туристов со всего света. В период фиесты

³¹ Эрнест Хемингуэй. «Фиеста. И восходит солнце» [глава 11].

³² Энсьерро (*ensierro*) – традиционный пробег быков по улицам города, предшествующий корриде, во время ежегодного праздника Сан-Фермин в Памплоне.

³³ Арена Торро (*Plaza del Torros*) – вторая по размеру в Испании и третья в мире арена для корриды, построена в 1922 году. Вмещает около 20 тыс. зрителей. Бычьи бои проводятся здесь только во время фиесты. В остальное время Арена Торро используется как концертная площадка, выставочный зал или ярмарочный павильон.

население Памплоны удваивается, а то и утраивается. Часть гостей участвует в самом пробеге, а не просто довольствуется пассивной ролью зрителя. Дело это опасное и крайне рискованное, особенно для новичков. Опытные испанские бегуны от быков знают наизусть каждый изгиб улицы, каждый поворот и уступ, за которым можно укрыться от смертельной опасности, и то больше ста метров редко кто решается бежать. Но все равно не обходится без жертв. Случаются особо кровопролитные годы, когда под копытами и рогами животных увечатся и погибнут люди. Таким стал Сан-Фермин 1924 года: 13 погибших и 200 серьёзно раненых участников. Последний смертельный случай во время пробега быков был зафиксирован в 2009 году. Всего же за 88 лет (столько ведется статистика) на энсьерро погибли около двух десятков человек, число покалеченных исчисляется сотнями. И, тем не менее, количество людей, желающих поучаствовать в этом безумии, ежегодно только растёт. Наваррцы очень гордятся своими быками, считая их лучшими во всей Испании (впрочем, это утверждение охотно оспорили бы жители других провинций). Быкам прощается многое: их гнев и необузданная жестокость и даже кровь незадачливых безумцев. Тем более что к вечеру они сами становятся жертвами праздника: их забивают на корриде. Мясо таких быков уходит в самые дорогие рестораны Памплоны, а блюда из них продаются по ценам, не менее безумным, чем предшествующее действие.

Мы заходим в город по выщербленной булыжной дороге. Она вползает на холм вдоль толстых стен крепости. Жёлтые стрелки и вмурованные в мостовую ракушки безошибочно ведут нас к Собору Иисус и Мария, рядом – одноименный альберг, тот самый, возле которого Эррандо встретил своего наставника Томаша. Я вспоминаю сурового старика в берете, и на душе теплеет.

Среди толпящихся возле дверей альберга людей мы видим много знакомых лиц. Вот японская бабушка гладит местную кошку, высекая искры из чёрного меха. Кошка терпит, потому что видит в её руках пакетик корма. Заметив нас, японка мелко, как заведённый болванчик кивает, лицо её озаряет улыбка – узнала! Вот и французы с рюкзаками «от кутюр», правда несколько запыхавшимися и потрёпанными в дороге. Белоснежная панاما мадам уступила место деревенской соломенной шляпе, а холёные усы мсье потеряли былой лоск, повиснув вниз пыльными сизыми сосульками. Но настроение у обоих бодрое! Организованная немецкая группа распалась на отдельных людей, каждый из которых по-своему уникален: фрау Анна увлекается йогой, Петер не любит пиво и сосиски, чем вызывает насмешки друзей-баварцев, Сабина сочиняет стихи, подражая Гёте, хотя по профессии фармацевт. Компания итальянцев свои разноцветные ветровки поменяла на шлемы, перчатки и лосины: они решают продолжить путь на велосипедах. Все рады друг друга видеть и разнообразны в проявлении своих чувств.

Я предлагаю Агнете пройтись по следам Хемингуэя, а в качестве гида хочу пригласить Анатолия – того самого одессита-памплонца, что познакомил нас в поезде с Эррандо. С трудом нахожу номер телефона, нацарапанный на билете Сарагоса-Памплоня. Волнуюсь. Звоню.

– А-а-а! Перегринос Елена из России! – распевает Анатолий. – Привет-привет! Никак уже в Памплоне? А я-то думал, Эррандо тебя удочерит!

– Останься я у него в гостях ещё на недельку – вполне возможно так и случилось бы, – отвечаю.

– Занимательный старик этот Эррандо!

– Да, он классный. Знаешь, он ведь тоже прошёл Путь Сантьяго и не раз!

– Ну, меня это не удивляет. Я не знаю ни одного испанца, который бы его не прошёл!

– Слушай, – перехожу я к делу, – как у тебя сегодня со временем?

– Оно всегда в моём распоряжении, – философски замечает Толик, – а что ты хотела?

– Украсть немного, – честно признаюсь я. – Не побудешь нашим гидом? Мы с подружкой хотим пройтись по местам Хемингуэя – к кому, как не к тебе, я могу ещё обратиться?

– Да не вопрос! Для тебя и старика Хэма – всегда пожалуйста! – великодушно соглашается Толик. – Когда и где?

Уславливаемся встретиться через час у фонтана на площади Кастильо. Толик приходит через полтора, когда мы с Агнетой уже разуверились его дожидаться. Как ни в чём не бывало машет рукой, а пунктуальная Агнета, вижу, еле сдерживается от негодования. Но в данной ситуации мы целиком и полностью зависим от благосклонности нашего гида-добровольца, поэтому берём себя в руки и улыбаемся.

И вот мы уже шагаем по улицам Памплоны к памятнику Хемингуэю на бульваре Пасео возле Арены Торро.

– Его здесь называют Папой, – комментирует Анатолий, указывая на грубо тёсанный серокаменный бюст писателя.

– Папой? Почему папой?

– Наверное, считают его в какой-то степени отцом города, он ведь очень любил Памплону, часто здесь бывал и со многими дружил.

Разглядываем выбитые на камне слова: *«Памплона и Хемингуэй... Хемингуэй и Памплона... Они неразрывно связаны друг с другом...»*. И рядом достаточно подробное описание, в чём эта связь выражалась, когда началась и как повлияла на судьбу города. Проникновенно и даже сентиментально. Внешняя суровость басков часто скрывает чуткое ранимое сердце. Да и сам старик Хэм, в своём грубом свитере, с бородой и изрезанным морщинами лицом здорово смахивает на уроженца Эускади.

– Когда идёт фиеста, на шею ему повязывают красный платок, похожий на пионерский галстук из нашего прошлого, – улыбается Толик. – Это элемент национальной одежды басков и обязательный атрибут фиесты. У меня тоже такой есть.

Мы сворачиваем на Эстафету – именно на этой улице разворачивается энсьерро. На каждом доме висят указатели, в которых детально описано, что и как происходит в этой точке бегов. Например, *«Здесь быки на большой скорости разворачиваются на 90 градусов вправо, при этом могут врезаться в забор»* или *«Здесь улица резко сужается — осторожно, не споткнитесь!»*. Так что при богатом воображении можно ярко представить себе, как всё происходит. Узкие балкончики, выходящие на главную магистраль энсьерро, во время праздника превращаются в VIP-ложи, с которых отлично видно зрелище, а главное – безопасно и удобно для съёмок. Круглый год Эстафета пестрит сувенирными лавками с разнообразной символикой фиесты. Из самых любопытных сувениров, что попадают на глаза – светильник в виде головы быка (сенсорный выключатель позволяет регулировать степень красноты глаз), сурдинка, имитирующая бычий рев, и... фотография быка, смотрящего угрюмо прямо в объектив, в белой рамке, залитой «кровью», с подписью «Не убивай меня!»... Последний сувенир продаёт с рук активист общества по борьбе с жестоким обращением с животными. Они выступают против убийства быков во время корриды. По словам Анатолия, в последние годы праздники часто сопровождаются многочисленными акциями протеста – как сейчас говорят, флешмобами. Во время их проведения люди в белых одеждах, испачканных в «крови», ложатся на брусок Эстафеты с плакатами против корриды. Это болезненный вопрос, делящий Испанию на два непримиримых лагеря: защитников животных и защитников традиций. Противостояние между ними продолжается уже десятилетия, но жестокие зрелища по-прежнему исправно пополняют казну королевства.

Даже если корриду когда-нибудь запретят (в чём я сильно сомневаюсь), энсьерро останется. И останутся посвящённые быкам памятники, которых по всей Испании великое множество. Вот один из них: скульптурная композиция «Бегущие от быков». Экспрессия такая, что хочется немедленно бежать. Многотонные туши, отлитые в натуральную величину с правдивыми анатомическими подробностями, застыли в могучем беге. Их стремительная мощь,

слепая, необузданная ярость сокрушают всех и всё на своём пути. Старик, оказавшийся под копытами быка, с мольбой глядит на небо. Так и хочется крикнуть ему: «Ну, куда тебя-то понесло, старый?» Молодой мужчина вот-вот попадёт на острый рог свирепого зверя. В его глазах и ужас, и восторг. Динамичность фигур людей и животных правдоподобно передаёт столпотворение во время энсьерро. Но монумент лишён звуков и запахов толпы: не слышно цокота копыт о булыжник, криков ужаса и визга женщин, нет острого запаха разъярённых животных и разгорячённых людских тел. А в остальном – блестяще запечатлённое мгновение энсьерро. Одно из тысячи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.